

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ

№ 18.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 листа чертеж. выкроекъ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к.

Выданъ 30 Апрѣля 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрию, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москву черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другие города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖІЯ

Особая приложеніе „Нивы“ отъ торговыхъ принимаются для иногородн. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НА Б. МОРСКОЙ, въ д. № 9

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1883 г., съ 20 рисунк. и отдѣльн. листомъ рисунк. рукодѣльныхъ работъ и 24 выкройками въ натуральную величину.

Явнгская Покровская церковь (Волог. губ., Кадниковского уѣзда). Съ фотограф. Лаптевымъ.

Явенгская церковь въ Зубовской вол. (Вологодской губ.).

Мы представили нѣсколько памятниковъ древности Вологодской губерніи, ибо на нашемъ сѣверѣ наиболѣе сохранились въ нетронутомъ видѣ типъ и остатки древне-русской постройки.

Храмъ, здѣсь изображенныи, представляетъ собою типъ множества старинныхъ деревянныхъ церквей, разсѣянныхъ по громадному пространству Вологодской губ. Рисунокъ представляетъ церковь, выстроенную въ 1753 году во имя Покрова Пресвятыя Богородицы на возвышенномъ берегу р. Явенги, въ Зубовской вол., Кадниковскаго уѣзда, почему она и известна подъ именемъ Явенской Покровской церкви. За нею видна другая каменная церковь недавней постройки, не остановившей однакоже заботъ прихода о поддержкѣ стариннаго деревяннаго храма, который (независимо отъ постройки каменной церкви) поновленъ былъ въ 1851 и 1881 гг., т. е. чрезъ 98 лѣтъ и чрезъ 128 лѣтъ послѣ своего основанія. Обѣ церкви выстроены средствами и стараніями прихожанъ, состоящихъ почти исключительно изъ крестьянъ. Древянная церковь стоитъ на живописномъ мѣстѣ. Передъ нею извивается рѣчка Явенга, окаймленная несчисными сосновыми перелѣсками, и изъ оконъ видно, какъ даже рѣчка впадаетъ въ многоводную и широкую р. Северную протекающую по всему протяженію Кадниковскаго уѣзда. Церковь одноэтажная, но съ высокими подвалами, такъ что земной полъ почти на четырехсаженной высотѣ надъ земной поверхностью. Стѣны и крыша опущены тесами и обшиты краскою. Высота церкви съ крестомъ около 19 а съ алтаремъ и притворомъ около 13 и ширина

около 7 саж. Для входа устроено снаружи большое, крытое тесомъ крыльцо, затѣмъ въ притворѣ направо и нальво лѣстницы — каждая по 6 саж. длины, ведущія въ верхнюю паперть. Внутренняя стѣна, отдѣляющая эту паперть отъ самаго храма, имѣеть форму полукруга, обращенного выпуклостью во внутрь паперти и имѣющаго три двери: съверныя, восточные и южныя. Восточная дверь представляетъ главный входъ и отстоить отъ задней стѣны только на три саж., тогда какъ съверныя и южныя малыя двери въ узкихъ концахъ паперти отстоять отъ задней стѣны почти на семь сажень и ведутъ въ храмъ справа и слѣва не въ дальнемъ разстояніи отъ клиросъ. Иконостасы какъ въ самомъ храмѣ, такъ и въ паперти старые, но живопись еще свѣжа и сохраняетъ свою художественную прелестъ. Престолъ въ церкви одинъ—во имя Покрова Божіей Матери.

Въ приходѣ сохранилось преданіе о старинномъ обычай: ежегодно лѣтомъ, въ Петровъ день, приводить къ церкви быка, колоть его, варить тутъ-же въ котлахъ и всѣмъ міромъ разговаряться его мясомъ на кладбищѣ. Всѣ селенія покровскаго прихода изъ года въ годъ, строго соблюдали между собою очередь доставки и привода къ церкви обреченнаго на жертву животнаго, часть котораго отдѣлялась за трапезою и церковному причту. Когда и какимъ образомъ установленъ былъ этотъ обычай — неизвѣстно, но старики говорятъ, что въ 1828 г. онъ былъ уничтоженъ вольскимъ исправникомъ (Зубовская волость числилась еще въ то время не въ Кадниковскомъ, а въ Вольскомъ уѣздѣ).

Дядя Прокофій и Валетка.

Разсказъ графа А. А. Голенищева-Кутузова.

1.

Изушка дяди Прокофія вовсе не походила на прочія бушки деревни Шавригина, къ которой она присосѣлась, какъ нищая сиротка къ небогатому семейству. Первыхъ, она не составляла продолженія такъ-назы- улицы, а торчала совсѣмъ въ сторонѣ, за гум- амбарами, на берегу пруда и, наклонившись къ думчиво любовалась опрокинутымъ изображеніемъ покривившихся стѣнъ, единственного окошка залившейся соломенной крыши. Изушки-Шавригина были, большою частію, двухъ ярусныя, съ тесовыми крышами; въ окнахъ виднѣвалася домашняя утварь, по стѣнамъ на разное бѣлье и тряпье, а передъ нѣ- тощія березки, подпертыя кольями — юная для глазъ роскошь, лѣтомъ привлекавшая зеленоватый и даже нѣсколько блѣднѣющій строеній скрещивались изгороди между которыми росли капуста, картофель амодовольные, круглыя рожи подсоленого земледѣла дяди Терентія, сверхъ то- же самое затѣйливое пугало для этого не достигало своей цели, оно не могло достичь настѣстомъ, когда въ горохъ дяди Терентія, въ картузы зеленые, въ сапоги синіе, въ господской откуда вмѣстѣ съ изушкой из деревни Шавригина. Изушка дяди Прокофія была самой годъ, когда въ деревне появился нокій баринъ, недовольный земледѣльцемъ, жившимъ около Петрова дня, оставившимъ свое имѣніе какому-то дальнему родственнику, жившему постоянно въ Петровѣ, богатый и безъ того, не имѣвшемъ; онъ ограничился земелью, оторвавшейся отъ деревни и посадилъ крестьянъ на нее.

янъ на оброкъ, землю отдалъ въ кортому заѣзжему нѣмцу, а дворовую челядь, въ видѣ барской милости, не дожидалась двухлѣтняго срока, отпустилъ на всѣ четыре стороны. Въ числѣ прочихъ отпущеныхъ очутился и слуга покойнаго барина, Прокофій Ильичъ; но ему было подъ семьдесятъ лѣтъ, на головѣ его оставалось всего три клока сѣдыхъ волосъ — по одному на каждомъ вискѣ, да одинъ на затылкѣ; темное лицо его съ большимъ горбатымъ носомъ и выпятившимся впередъ подбородкомъ было сведенено глубокими морщинаами; глаза, когда-то черные и блестящіе, а теперь мутные, плохо видѣли, уши плохо слышали, ноги плохо держали высокое, костлявое тѣло. Поэтому предоставленныя Прокофію Ильичу на выборъ четыре стороны всѣ показались ему равно страшными, голодными и холодными. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пока въ усадьбѣ шла суматоха по случаю введенія новыхъ порядковъ, онъ безвыходно пребывалъ въ своей коморкѣ, лежалъ на кровати, обогрѣтой имъ въ теченіе многолѣтней службы и недоумѣвалъ: какъ ему теперь быть и куда дѣваться? Онъ былъ совершенно одинокъ. Покойный баринъ не долюбливалъ женатыхъ слугъ и какъ-то давно, лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, съ гнѣвнымъ отказомъ прогналъ съ глазъ долой своего любимца Прокофія, когда тотъ, подъ вліяніемъ юльского душистаго вечера, явился къ нему съ просьбою о дозволеніи жениться на дворовой девкѣ Глашкѣ. Прокофій Ильичъ хотя и огорчился, но внутренно сознавалъ справедливость барскаго гнѣва и съ тѣхъ поръ блажь не входила ему въ голову. Онъ даже презрительно сталъ отзываться о своихъ женатыхъ сослуживцахъ и при каждомъ удобномъ случаѣ кололъ имъ глаза пристрастіемъ къ семьямъ и небреженіемъ къ пользамъ господина. Только теперь, когда господина не стало, а самъ онъ остался, такъ-сказать, на мели — лукавый помыслъ шепнулъ ему въ темнотѣ безсонной ночи, что баринъ напрасно не позволилъ ему жениться, что будь у старика взрослые дѣти, они навѣрно стали-бы его кормить, поить, обувать и одѣвать. Помыслъ этотъ старику, конечно, отогналъ отъ себя изъ уваженія къ памяти покойника, но вопросъ: что дѣлать и куда дѣваться, оставался открытымъ. Наконецъ, Прокофій Ильичъ рѣшился идти къ конторщику и просить его написать письмо молодому барину; такъ и такъ, моль, шестьдесятъ лѣтъ слу-

жилъ вѣрой и правдой—ну и прочее все. Долго ждалъ Прокофій Ильичъ отвѣта; но баринъ, какъ слышно, уѣхалъ за-границу, лѣто миновало и вотъ въ одинъ прекрасный осенний день, когда солнышко, не высоко поднявшись въ небѣ, освѣтило слабыми лучами зеленѣвшую въ поляхъ озимь и обнаженные деревья старого сада—нѣмецъ прислалъ сказать Прокофію Ильичу, что коморка его нужна и что онъ можетъ убираться.

Прокофій Ильичъ озлился; онъ вскочилъ съ своего ложа и старческимъ, беспомощно-визгливымъ голосомъ произнесъ ругательство. Работникъ усмѣхнулся, сказалъ „не наша воля“—и вышелъ вонъ.

Оставшись опять одинъ, стариkъ сталъ быстро жевать мягкими, блѣдными губами; вѣки его усиленно заморгали — онъ хотѣлъ было заплакать, но не смогъ. Въ извѣстные годы глаза теряютъ способность испускать слезы, только духъ спирается въ груди, да щеки сводитъ болѣзненная судорога. Прошло нѣсколько минутъ молчанія...

— Валетка!—раздалось, наконецъ, въ тишинѣ.

Валетки не оказалось; онъ бродилъ по двору около кухни. Стариkъ махнулъ рукой и тяжело опустился на кровать.

Но когда настала ночь и мѣсяцъ съ любопытствомъ заглянулъ въ тусклое окно коморки, дверь тихонько отворилась, Валетка, какъ тать, пробрался на свое обычное мѣсто къ печкѣ и легъ. Все было тихо — Прокофій Ильичъ спалъ.

II.

На другой день по утру въ селѣ происходило довольно необычное зрѣлище. Передъ крыльцомъ кабака собралась небольшая толпа мѣстныхъ обывателей, слышались крики, смѣхъ, бранные слова и остроты. Тутъ былъ и самъ кабатчикъ, кудрявый, съ краснымъ курносымъ лицомъ, ехидными глазками и добродушной усмѣшкой на толстыхъ губахъ. Тутъ были дьячекъ и пономарь—оба въ длиннополыхъ, длиннорукавыхъ, темносинихъ одѣяніяхъ, съ висящими по спинѣ, тугу заплетенными косами; былъ и земскій—маленький, мозгловеній человѣчекъ, въ плоской бѣлой фуражкѣ, въ черномъ потертомъ сюртукѣ и стоптанныхъ сапогахъ, что, однако, не мѣшало ему относиться къ толпѣ съ оттѣнкомъ превосходства и ироніи. Толпа состояла изъ мужиковъ, бабъ и дѣтей. Но среди всѣхъ возвышалась сухая, угрюмая фигура Прокофія Ильича. Онъ былъ занятъ очень важнымъ дѣломъ и неестественно сутился—онъ продавалъ. На плечѣ его висѣло разное потасканное платье; въ одной рукѣ онъ держалъ старую гитару съ оборванными струнами, въ другой одноствольное ружье; изъ-за пазухи торчала какая-то шкатулочка, а у ногъ сидѣлъ Валетка и подозрительно поглядывалъ на сутившихся вокругъ него людей. Торгъ шелъ медленно. Каждая вещь, по очереди предлагаемая на общее разсмотрѣніе, переходила изъ рукъ въ руки, повертывалась во всѣ стороны, подвергалась различного рода испытаніямъ. Больше всего досталось платью: его поднимали на свѣтъ, гладили, растягивали, потряхивали и колотили.

— А вѣдь у сюртука-то подъ пазухой прорѣха—серьозно объявлялъ земскій.

— Не бѣда! огрызался Прокофій Ильичъ—и съ прорѣхой пощеголяете, коли не зашьете.

— Зашить-то можно, только все же изъянъ—замѣчалъ земскій. А сколько возьмете?

Начиналось препирательство о цѣнѣ. Кабатчикъ хотѣлось перебить покупку у земскаго. Дьячекъ также былъ не прочь приобрѣсть дешевую обновку своему сыну, рослому семинаристу, имѣвшему необыкновенную способность протирать на локтяхъ непоправимыя дыря. Покупатели горячились, банились между собою, банили Прокофія Ильича. Прокофій Ильичъ не оставался у нихъ

въ долгу. Наконецъ большая часть вещей была продана. Платье досталось-таки земскому, гитара и ружье перешли во владѣніе кабатчика, дьячекъ и пономарь ничего не купили и служили предметомъ остроумныхъ замѣчаній со стороны праздныхъ зрителей.

Передавъ вещи въ руки новыхъ владѣльцевъ, Прокофій Ильичъ досталъ изъ-за пазухи шкатулку. По озабоченному виду, съ которымъ онъ приступилъ къ ея раскрытию, можно было заключить, что стариkъ придавалъ особенную цѣну тому, что въ ней заключалось; то были карманные часы, толстые съ выпуклымъ стекломъ и затѣйливыми стрѣлками,—подарокъ барина; затѣмъ, мѣдная, потемнѣвшая отъ времени цѣпочка, двѣ пары ножницъ, очки, перочинный ножъ и деревянная табакерка съ изображеніемъ цветка. Увидавъ часы, кабатчикъ пересталъ улыбаться; земскій протянулъ было руку, но остановился, встрѣтивъ суровый взглядъ Прокофія Ильича, который сжалъ часы въ ладони и, казалось, не былъ расположенъ легко съ ними разстаться.

— Серебряные! проговорилъ онъ какъ-то таинственно.

— Дай-ка посмотрѣть, прошепталъ кабатчикъ.

Прокофій Ильичъ бережно поднялъ руку и разжалъ пальцы.

— Осторожнѣе, любезный, вещь хрупкая,—сказалъ онъ, отдавая часы.

Нѣсколько головъ нагнулись кругомъ.

— Что вы поймете!—сердито крикнулъ земскій, проталкиваясь впередъ—ишь, невидаль какая, часы! А ключикъ есть?

— Сталъ-ли бы баринъ мнѣ дарить часы безъ ключика?!—строго отозвался Прокофій Ильичъ. А это что на тесемочкѣ-то виситъ?—Не видите что-ли?

Земскій молча взялъ часы изъ рукъ недоумѣвающаго кабатчика и сталъ ихъ разматывать.

— Да ходятъ ли еще? прощѣдилъ онъ сквозь зубы, возьмимъ въ непреодолимое желаніе завладѣть ими.

Прокофій Ильичъ только плонулъ и отвернулся.

— Да вы не горячитесь—поучалъ его земскій, товаръ лицомъ продается, даромъ небось не отдадите.

Онъ медленно открылъ крышку, завелъ, послушалъ—часы застучали.

— Пошли? спросилъ кабатчикъ.

— Четыре рубля даю—обратился земскій къ Прокофію Ильичу, не удостоивъ кабатчика отвѣтомъ... съ цѣпочкой, прибавилъ онъ, увидавъ цѣпочку.

— И съ ножницами, иронически отозвался Прокофій Ильичъ, показывая ножницы.

Кругомъ раздался смѣхъ. Земскій окинулъ толпу недовольнымъ взглядомъ.

— Не хотите—не надо! проговорилъ онъ, возвращая часы, и отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону. Кабатчикъ подвинулъся впередъ. Но земскій только прикинулся равнодушнымъ. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало купить часы и, услыхавъ, что кабатчикъ даетъ за нихъ пять рублей, набавилъ противъ него полтинникъ.

— Только съ цѣпочкой, повторилъ онъ внушительно.

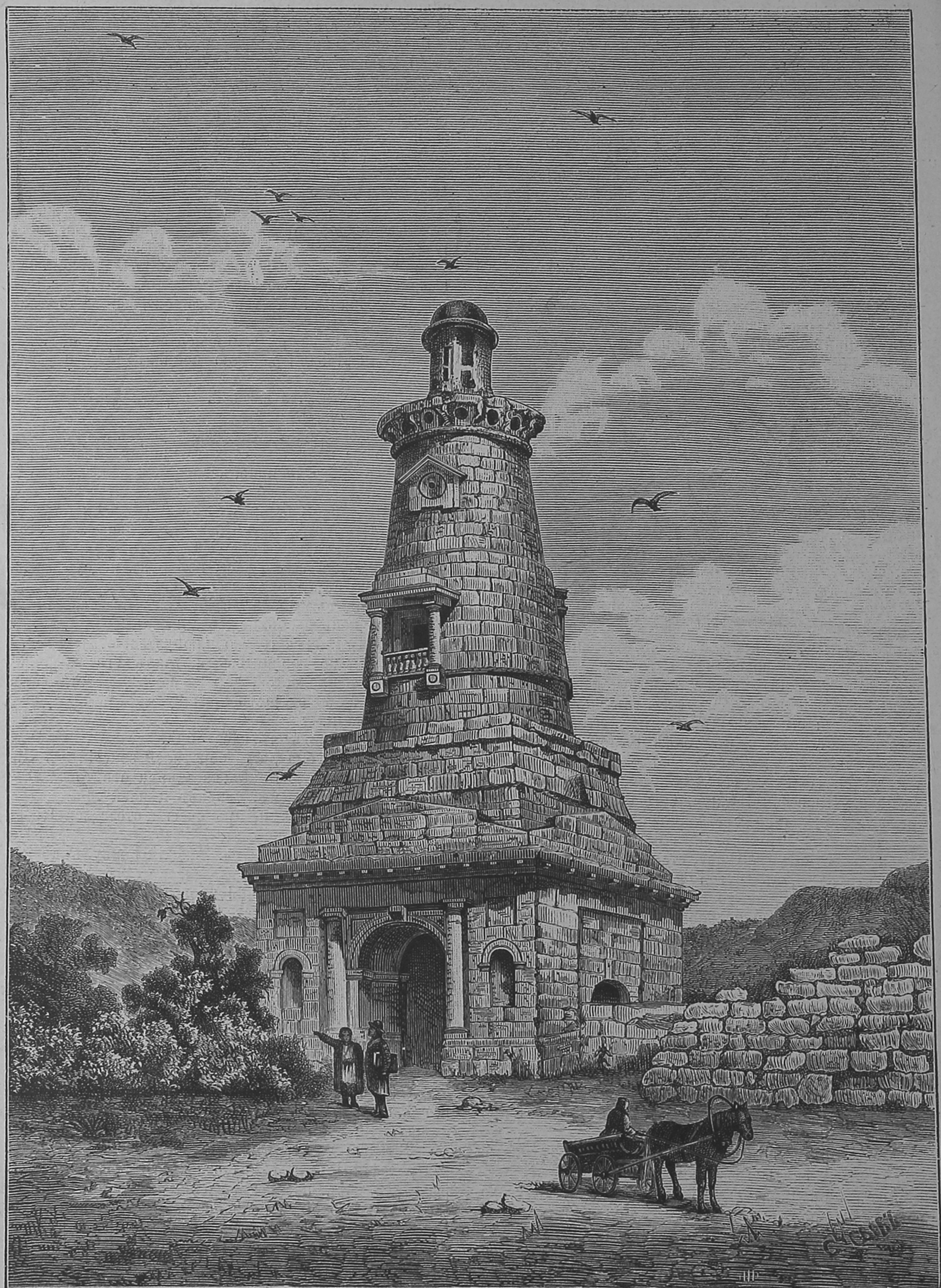
— Да вѣдь и я съ цѣпочкой, отозвался кабатчикъ.

Прокофій недоумѣвалъ и казалось уже готовъ былъ отдать, когда въ толпѣ раздался неожиданный голосъ, и всѣ глаза обратились на щеголеватую чуйку, выступившую на первый планъ.

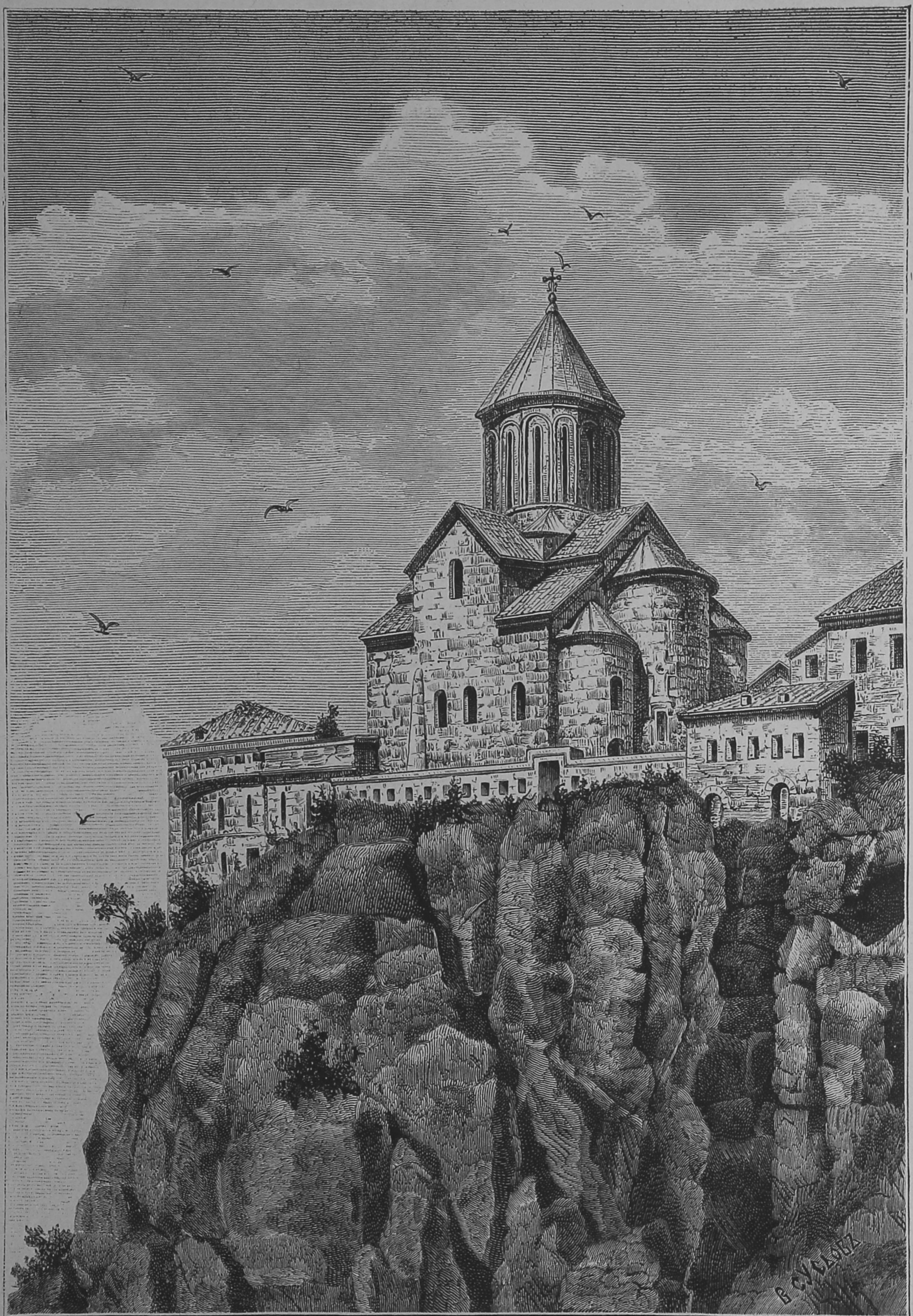
— Я даю десять рублей—гдѣ наше не пропадало!

Прокофій Ильичъ самодовольно усмѣхнулся, кабатчикъ разинулъ ротъ, а земскій злобно посмотрѣлъ на своего соперника. Это былъ молодой парень, за нѣсколько дней до того вернувшійся съ работы изъ города и гулявшій на заработанные деньги. Онъ былъ навеселѣ, въ рукахъ держалъ гармоню; шапка торчала на бекренѣ.

— Ну, дѣдушка, отдаешь что-ли? громко обратился онъ къ Прокофію Ильичу—мы денегъ не жалѣемъ, по-

Севастопольскія развалины. Башня Адмиралтейства. Рисов. съ натуры В. Сусловъ, грав. М. Ращевскій.

Тифлисъ. Метехскій храмъ. Рисов. съ натуры В. Суловъ, грав. М. Рашевскій.

тому у насъ ихъ довольно, мы не то что другіе—изъ-за рубля торговаться не станемъ; для насъ это плевое дѣло! Гдѣ наше не пропадало!

— Вотъ я посмотрю, какъ ты, голубчикъ, оброкъ-то внесешь? прошипѣлъ земскій.

— Не беспокойся—весело отвѣчалъ парень—и оброкъ внесемъ, и часы купимъ, и выпьемъ, и погуляемъ—съ часами-то знатно будешь! Такъ что-ли дѣвки?—внезапно обратился онъ къ пестрой кучкѣ веселыхъ женскихъ лицъ, стоявшихъ нѣсколько поодаль и сочувственно поглядывавшихъ на молодецкую чуйку.

— Слышите! десять рублей даютъ,—сказалъ Прокофій Ильичъ окружающимъ.

— Коли даютъ, такъ отдавай, а мы уступаемъ, твоё счастье, отвѣтилъ кабатчикъ.

— И видно, что дуракъ!—пробурчалъ земскій, выходя изъ толпы. Не глядя покупаетъ! Часы-то и пяти рублей не стоятъ; это я ужъ зря полтинникъ прибавилъ.

— Ладно, ладно! а у самого глаза разгорѣлись, какъ увидалъ,—ворчалъ Прокофій Ильичъ, глядя въ слѣдъ удаляющемуся земскому.

Часы съ цѣпочкой немедленно украсили грудь молодаго парня.

Кабатчикъ утѣшился, купивъ за цѣлковый осталыя вещи.

— Ничего больше нѣтъ?—спросилъ онъ, когда Прокофій Ильичъ, положивъ деньги въ шкатулку, закрылъ ее и сунулъ опять за пазуху.

— Ничего—угрюмо произнесъ тотъ и, понуривъ голову, сѣлъ на крыльца кабака. Но въ шкатулкѣ были еще двѣ вещи: небольшая икона и дагеротипный портретъ покойного барина. Прокофій Ильичъ снялъ его со стѣны кабинета и взялъ съ собой, какъ вещь никому ненужную, а ему—Прокофию, старому слугѣ—дорогую.

Теперь онъ мысленно считалъ свои деньги: съ накопленными прежде двѣнадцатью рублями выходило всего тридцать пять. Съ ними долженъ былъ онъ найти себѣ убѣжище и прожить, можетъ-быть годъ, можетъ-быть два, а можетъ-быть и десять лѣтъ. Старикъ задумался.

Толпа между тѣмъ медленно разбрелась по селу. Кабатчикъ, убравъ въ комнату накупленное добро, воротился на крылечко, сѣлъ и, довольный своимъ днемъ, отъ нечего дѣлать разболтался.

— Вотъ оно какъ служить!—разсуждалъ онъ съ разстановкой. — Ходи съ измѣлѣствомъ по струночкѣ, ни въ чемъ согнуть не моги, день деньской работай, силушки всѣ протрать, а подъ старость отправляйся съ сумой куда глаза глядятъ! Вѣрно я говорю, Прокофій Ильичъ?

Прокофій Ильичъ молчалъ.

— Вотъ, хоть къ примѣру, возьмемъ тебя, Прокофій Ильичъ: очень нѣблагородно поступилъ съ тобой баринъ! Куда теперь тебѣ старому хрѣну голову преклонить? Чѣмъ ты будешь кормиться! Ну, положимъ, за свою рухлядь ты съ насъ кое-какія деньжонки содралъ, это точно!—да надолго ли ихъ тебѣ хватитъ? Очень не надолго. Первое—станемъ говорить—долженъ ты себѣ какое ни на есть жилище найти, а даромъ никакое общество тебѣ не приметъ; второе—долженъ ты себя въ зимнее время согрѣть; третье—долженъ ты муки купить. Дрова-то еще ничего, а мука нонѣ дорога—рѣзко-то по семи рублей пошла. Знаешь ли ты это? Вотъ такимъ-то манеромъ и не увишишь, какъ деньги всѣ выйдутъ и останешься ты, голубчикъ мой, голъ, какъ соколъ. Попомни мое слово. А ты подай на барина жалобу по начальству. Слышалъ я намедни отъ одного доброго человѣка, что закону такого нѣтъ, чтобы людей по міру пускать. Въ законѣ сказано, что помѣщикъ долженъ два года всѣхъ дворовыхъ кормить, поить, обувать и одѣвать.

Прокофій Ильичъ молчалъ.

— Жаль мнѣ тебя, Прокофій Ильичъ! такъ жаль, что и сказать не могу. Пріютиль бы я тебя, да самъ съ семьей въ тѣснотѣ живу. Ты можетъ думаешь, что съ кабака у меня невѣсть какіе прибытки! Такъ я тебѣ скажу, что это ты пустое думаешь. Еле-еле на пропитаніе выручаю и подати уплачиваю. Нонѣ времена тяжелыя, всякий думаетъ о себѣ. Вотъ ты о себѣ и подумай. А, кстати, не продашь ли ты мнѣ Валетку? За одно бы ужъ съ прочимъ; куда тебѣ съ нимъ возиться?

Прокофій Ильичъ пожевалъ губами.

— Я, такъ и быть, цѣлковый-рубль дамъ,—приставалъ кабатчикъ.—Собаки-то у меня нѣтъ; лаяла бы да лаяла.

Прокофій Ильичъ колебался.

— Валетка!—обратился онъ, наконецъ, съ смиренной улыбкой къ собакѣ, лежавшей у его ногъ.—Продавать тебя что ли, старый песь?

Валетка приподнялъ, завилялъ хвостомъ, лизнулъ безсильно опущенную, старческую руку и положилъ голову на колѣна своего хозяина. Лицо старика внезапно измѣнилось, щеки поблѣднѣли, губы затряслись.

— Креста-то на тебѣ нѣтъ,—почти шепотомъ, задыхаясь, проговорилъ онъ и злобно взглянулъ на кабатчика.—У человѣка одинъ песь остался, такъ и того отнять хочешь...

И не выслушавъ справедливаго возраженія озадаченнаго кабатчика, онъ всталъ и побрелъ изъ села по глинистой, грязной дорогѣ. Валетка послѣдовалъ за нимъ.

Дулъ холодный сентябрскій вѣтеръ. Ненастныя облака быстро неслись по небу, какъ зловѣщіе клубы дыма, гдѣ-то поднявшіеся съ чудовищнаго пожара. Они, казалось, старались перегнать другъ друга—и это имъ не удавалось. Они вытягивались, хмурились, темнѣли и, наконецъ, всѣ разомъ, слились въ одну безформенную сѣрую массу, посыпались на землю, пронизывающій до костей, дождемъ. Стая пролетныхъ журавлей, спокойно гулявшая по жнивью, какъ бы вспомнивъ, что ей предстоитъ далекій путь въ теплые страны, съ крикомъ поднялась и полетѣла; заяцъ, выглянувший изъ кустовъ, опять спрятался въ чашу и залегъ подъ густую ёлку, куда не могъ проникнуть дождь; проѣзжій мужикъ, приподнявшись въ телѣгѣ, ударилъ возжами свою пѣщью, лохматую кобылу и та вскачъ понеслась къ селу, на краю котораго стояла его хата. Только Прокофій Ильичъ и Валетка, въ открытомъ полѣ застигнуты непогодой, не прибавили шагу: они знали, что для нихъ нѣтъ ни теплыхъ странъ, ни убѣжища, ни хаты.

III.

Дорога, по которой шелъ Прокофій Ильичъ, вела къ деревнѣ Шавригину, а въ Шавригинѣ жилъ дядя Терентій, тотъ самый, въ огородѣ котораго моталось пугало; онъ былъ знаменитъ во всемъ околодкѣ какъ опытный охотникъ. Прокофій Ильичъ хорошо зналъ его съ этой стороны, такъ какъ покойный баринъ, пока не перевѣшалъ всѣхъ своихъ собакъ, имѣлъ обыкновеніе за всѣми свѣдѣніями обращаться не къ кому-нибудь другому, а именно къ дядѣ Терентію. Наканунѣ охоты онъ посыпалъ Прокофию Ильичу въ Шавригино. Усѣвшиися въ легкія бѣговыя дрожки, Прокофій Ильичъ пускался въ путь, по дорогѣ заѣжалъ въ село, въ тѣль самий кабакъ, у крыльца котораго сейчасъ расprodаль свои вещи, выпивалъ стаканчикъ водки, и веселый отправлялся дальше. Отъ села до Шавригина считалось семь верстъ; можетъ быть было и больше, можетъ быть и меньше—никто не мѣрилъ; но Прокофию Ильичу въ то время это было совершенно все равно. Онъ беззаботно поглядывалъ по сторонамъ, дѣлалъ мысленные замѣчанія относительно придорожныхъ хлѣбовъ и травъ, загадывалъ, какая на другой день будетъ погода и много ли онъ убьетъ зайцевъ. При послѣдней мысли онъ всегда

оглядывался на Валетку, бѣжавшаго за дрожками такъ близко, что, при малѣйшемъ замедлениі хода лошади, морда его натыкалась на колесо. „Глупый песь!“ — говорилъ тогда Прокофій Ильичъ. По пристрастному его мнѣнію, Валетка гонялъ зайцевъ лучше всѣхъ барскихъ собакъ, хотя и не принадлежалъ къ породѣ гончихъ, и хвостъ держалъ колесомъ вверхъ—несомнѣнныи признакъ низкаго происхожденія, отъ дворняжки.

Хозяйка дяди Терентія враждебно относилась къ прѣздамъ Прокофія Ильича. Она знала, что никакое дѣло не могло остановить мужа, когда баринъ звалъ его съ собой на охоту. Сѣнокосъ-ли, жнитва-ли, молотьба-ли—онъ все бросалъ, надѣвалъ сапоги, понитокъ коротко-обрѣзанными полами, изъ-подъ которыхъ торчали концы ситцевой рубахи; бралъ картузъ, ружье, кожаную сумку съ запасомъ хлѣба и уѣзжалъ. Она знала также, что домой онъ непремѣнно вернется пьяный, потому что, какъ и слѣдуетъ всякому добромъ охотнику, дядя Терентій былъ горькій пьяница и, подаренный ему бариномъ полтинникъ цѣликомъ пропивалъ въ селѣ, послѣ чего былъ мраченъ и обыкновенно бывалъ свою хозяйку. Но дѣлать хозяйкѣ было нечего и злоба ея выражалась только ворчаньемъ, взглядами изъ-подлобья и тыканьемъ въ спину, попадавшейся подъ руки дочери Паланьки. По дорогѣ въ усадьбу Прокофій Ильичъ и дядя Терентій всегда занимались пріятной бесѣдой о предстоящей охотѣ. Послѣдній зналъ не только всѣ окрестныи мѣста и заячьи перебѣги, но, судя по его словамъ, былъ лично знакомъ съ бѣгающими и крылатыми обитателями лѣсовъ.

— Вотъ, говорилъ онъ, — на Лѣнтихинской пустоши у ручья съ весны большущій зайчина живетъ.

— Матерой!—поправлялъ Прокофій Ильичъ.

— Матерой, что твой жеребенокъ! Видаль я его много разъ, да безъ собакъ ничего не подѣлаешь; далеко поднимается и прямкомъ въ островъ утекаетъ. Такая лукавая шельма!

— Вотъ мы его завтра съ гончими пошевелимъ!

— Безпримѣнно. А недалечко тамъ во мху еще выводокъ глухарей, ужъ которую недѣлю держится; матка, да семь молодыхъ. Двухъ-то я убилъ, а пять осталось. Какъ только выстрѣлишь, всѣ къ моху улетаютъ, а и молодые ужъ съ полматки.

— Тетеревей тоже пошевелимъ,—отозвался Прокофій Ильичъ.

И дѣйствительно, на другой день на Лѣнтихинской пустоши у ручья поднимался большущій заяцъ, а во мху взлетали глухари. Вотъ каковъ былъ дядя Терентій!

О немъ вспомнилъ Прокофій Ильичъ, увидавъ поднимавшихся журавлей, потому что никто ловчѣе его не

подползалъ къ этой осторожной птицѣ. „Зайду-ка я къ старому приятелю,—подумалъ стариkъ, шагая по знакомой дорогѣ.—Что Богъ дастъ? посовѣтуюсь“.

Черезъ часъ онъ уже сидѣлъ въ избѣ дяди Терентія и рассказывалъ ему свое горе. Хозяйка, зная, что никто не позоветъ мужа на охоту, была покойна и не злилась. Мужикъ внимательно слушалъ рѣчъ Прокофія Ильича, изрѣдка вставляя свои краткія замѣчанія. Наконецъ, повторивъ томившее его за послѣдніе дни: „Какъ мнѣ теперь быть?“ Прокофій Ильичъ умолкъ.

Хозяинъ сурово осмотрѣлся кругомъ. Изба его всегда тѣсная и темная, теперь, въ ненастѣ, казалась еще тѣснѣе и темнѣе. Дождь стучалъ въ окно, въ трубѣ завывалъ вѣтеръ.

— Непогода!—проговорилъ, наконецъ, дядя Терентій, почесывая колѣно. Повидимому это слово не имѣло никакой связи съ разсказомъ Прокофія Ильича, но и Прокофій Ильичъ, и хозяйка, и даже Паланька поняли, что хотѣлъ выразить хозяинъ и молча съ нимъ согласились.

— Ну что-жъ? — продолжалъ онъ, подумавъ еще съ минуту. — Пока можно у меня... а завтра съ сосѣдями потолкуемъ... Такъ, что-ли?

Всѣ опять безмолвно согласились.

— Спасибо, добрый человѣкъ!—серѣзно проговорилъ Прокофій Ильичъ.

— Потому—непогода, — повторилъ дядя Терентій и замолчалъ. Хотѣлъ было онъ спросить о ружьѣ, да раздумалъ: „Продано, вѣрно“, — сказалъ онъ самъ себѣ. — Прокофій Ильичъ вспоминалъ свое прошедшее. Хозяйка размышляла о томъ, куда положить бездомнаго бѣдняка, и смотрѣла въ уголъ. Паланька задремала на полатяхъ и въ избѣ все затихло, какъ будто въ ней никого и не было. Но, нѣсколько минутъ спустя, въ дверь сталъ царапаться Валетка, позабытый на дворѣ.

— Вѣдь это твой,—весело обратился дядя Терентій къ Прокофію Ильичу.

— Мой,—отвѣчалъ тотъ.

Валетку впустили. Мокрый и дрожащи вшелъ онъ въ избу и, обнюхавъ всѣхъ присутствующихъ, успокоился: всѣ были издавна ему знакомы; всѣ его знали. А что на дворѣ было холодно и вѣтеръ злился, и дождь лилъ, какъ изъ ведра—какое кому было до этого дѣло? Въ хатѣ дяди Терентія скоро запылала лучина, въ печи затрещали дрова и закипѣлъ котелокъ. Семья усѣлась за ужинъ и старики разболтались о покойномъ баринѣ, обѣ охотѣ, о красныхъ дняхъ веселья и счастья; — разболтались такъ, что Прокофій Ильичъ позабылъ о своемъ горѣ, а Валетка, просохнувъ, сталъ весело помахивать хвостомъ, ходя вокругъ стола.

(До слѣд. №).

Герцогиня Данцигская и ея протежѣ.

Исторический разсказъ Р. Тренкгорста.

I.

— Уйдешь ли ты отъ забора, глупый мальчишка! Съ тѣхъ поръ какъ эта ницца поселилась въ деревнѣ, ты совсѣмъ потерялъ голову. На мельницѣ рабочіе дѣлаютъ что хотятъ, все идетъ вверхъ дномъ, а молодой хозяинъ точитъ лысы со своей возлюбленной! Въ послѣдній разъ говорю тебѣ сегодня, Франсоа, выкинь изъ головы глупую любовь!

Эти сердитыи слова произнесъ полный пятидесятилѣтій человѣкъ; а тотъ, къ кому они относились, былъ молодой, здоровый юноша, со свѣжимъ, красивымъ лицомъ. Живописный крестьянскій костюмъ эльзасцевъ чрезвычайно шелъ къ нему. Онъ былъ сынъ говорившаго, мельника деревни Сульцматъ,—Франсоа Лѣфевръ. Послѣ нѣласковаго наставленія онъ грустно смотрѣлъ на свѣтъ Божій.

— Отецъ! проговорилъ наконецъ Франсоа послѣ того, какъ онъ уже нѣсколько разъ собирался отвѣтить, но не решался, встрѣчаясь со строгимъ взглядомъ мельника. — Отецъ, вы не правы, обращаясь со мною какъ съ маленькимъ, скоро мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ. Всѣ молодые люди моихъ лѣтъ въ Сульцматѣ и Руфахѣ имѣютъ невѣстъ, только я не имѣю права ухаживать за дѣвушкой, которая мнѣ нравится! Это несправедливо съ вашей стороны, отецъ!

Старикъ насмѣшилъ посмотрѣть на сына.

— Самое время думать тебѣ о свадьбѣ—засмѣялся онъ, выпуская изъ своей трубки густыя облака дыма въ теплый лѣтній воздухъ.

— А чѣмъ думаете — вы прокормить свою миленькую? Выучился ли ты чемунибудь, даже для мельника ты слишкомъ глупъ! И онъ хочетъ жениться! Ха, ха, ха! Выкинь эти мысли изъ головы, Франсоа, и если дѣло уже на то пошло, то стариkъ Лефевръ найдетъ тебѣ подходящую жену. Но съ той—вскричалъ онъ сердито, указывая черезъ заборъ, на маленькую хижинку, стоявшую въ саду—ты долженъ покончить! Съ этими словами онъ повернулся спиной къ сыну и медленно направился черезъ мостиkъ къ мельнице.

Франсоа смотрѣлъ ему въ слѣдъ, пока только легкое облачко дыма указывало то мѣсто, где скрылся стариkъ за кустами. Какъ ни казался юноша сконфуженнымъ въ присутствіи отца, по строгое внушеніе послѣдняго не произвело продолжительного дѣйствія; взглянувъ на дорожку къ мельнице, Франсоа подошелъ къ забору, отдѣлявшему маленький домикъ отъ мельничнаго сада и отъ прилегающаго господскаго лѣса, и только что онъ собирался перескочить черезъ него, какъ на плечо юноши легла сильная рука, а голосъ сзади него проговорилъ?

— Такъ-то слѣдуютъ добрымъ совѣтамъ отца? А? Не успѣлъ еще старикъ отвернуться, какъ онъ снова уже на запрещенномъ пути! Это ли зовется дѣтскимъ послушаніемъ.

При этой непріятной помѣхѣ Франсоа съ испугомъ отянулся, но узнавъ господина барона Эпиналь, владѣльца имѣній и лѣсовъ Сульцмата, лицо его прояснилось. Онъ снялъ свою шапку и сконфуженно улыбаясь вертѣлъ ее въ рукахъ.

— Ну, старикъ таки порядочно поборолъ тебя! засмѣялся помѣщикъ, которому казалось за тридцать лѣтъ и который слышалъ разговоръ отца съ сыномъ;— говорить точно священникъ, нужно отдать ему справедливость! Но говори же наконецъ, Франсоа, продолжалъ онъ добродушно, садясь на перила мостика, что у васъ тамъ было, ну исповѣдуйся!

— Ахъ, Боже, добрый баринъ, отвѣтилъ печально юноша, ничего особенного. Я очень люблю Лизету, а отецъ ея терпѣть не можетъ, вотъ и вся история!

— Лизету, говоришь ты? кто такая твоя Лизета? спросилъ баронъ.

— Она пришла изъ за Рейна ухаживать за своей больной теткой,— объяснялъ Франсоа. Старуха умерла два мѣсяца тому назадъ и оставила ей хижину, а теперь Лизета занимается стиркой бѣлля для господъ въ Руфахѣ.

— А, эту то я знаю! отвѣтилъ помѣщикъ;— поздравляю тебя, это красивая дѣвушка!

На открытомъ лицѣ крестьянина показалась улыбка удовольствія.

— Да,—при этомъ онъ вздохнулъ печально,—было бы хорошо, еслибы и отцу такъ казалось.

При этой простодушной жалобѣ влюбленного юноши господинъ Эпиналь громко захохоталъ, но тотчасъ спохватился, замѣти, что оскорбляетъ честнаго Франсоа.

— Не сердись, мой милый, успокоивъ онъ юношу, я смѣюсь потому, что выборъ молодыхъ никогда не нравится старикамъ.

— Франсоа казалось успокоился.

— Но это не одно только, въ чемъ мы не сходимся съ отцемъ! сказалъ онъ. Еслибы онъ пересталъ принуждать меня сдѣлаться мучнымъ мѣшкомъ, онъ вѣдь знаетъ какъ мнѣ противна мельница! Но съ нимъ ничего не подѣлаешь, хотя я ему жалуюсь на это.

— Гм... гм! Мнѣ кажется, сказалъ баронъ, что въ тебѣ течетъ гусарская кровь старика и я думаю, что ты не прочь быть солдатомъ.

— Господинъ баронъ какъ разъ угадали! проговорилъ Франсоа. Господинъ Эпиналь въ раздумы началъ покручивать свои усы.

— Послушай, Франсоа, сказалъ онъ наконецъ, не хочешь лиѣхать со мною въ Парижъ?

Странное дѣйствіе произвело слово „Парижъ“ на молодаго крестьянина.

— Па-Парижъ? заинтриговалъ онъ, не въ состояніи опомниться отъ удивленія,—въ Парижъ?

— Да, Франсоа. Еслибы я не былъ увѣренъ, продолжалъ баронъ, что для тебя и для твоей будущности самое лучшее служба въ солдатахъ, я бы не совѣтовалъ тебѣ этого. Король Людовикъ XVI пожаловалъ меня патентомъ капитана гвардіи, и я послѣ завтраѣду въ Парижъ на свою должность. Хочешьѣхать со мною, то для тебя найдется у меня мѣстечко и черезъ нѣсколько дней ты надѣнешь королевскій мундиръ. Со старикомъ я самъ улажу дѣло!

Радость Франсоа при этомъ заманчивомъ предложеніи уступила мѣсто болѣе спокойному размышенію. Спустя минуту онъ грустно покачалъ головою.

— Нѣтъ это не годится, нѣтъ не годится! сказалъ онъ.— Видите ли господинъ баронъ, что же тогда будетъ съ Лизетой? Она затоскуетъ до смерти, если я уйду въ солдаты.

Помѣщикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на честнаго юношу.—Ну быть можетъ до этого не дойдетъ, но при разставаніи безъ слезъ не обойдется. Но не на вѣки же вы разлучитесь! Если ты будешь служить хорошо, то черезъ два или три года можешьъ быть капраломъ; тогда ты пріѣдешь въ Сульцматъ и женишься на Лизетѣ, такъ какъ ни одинъ человѣкъ, даже царѣвъ и отецъ, не могутъ тебѣ запретить этого, если разрѣшить король. А что значить два года? Тебѣ восемнадцать, а твоей невѣсты нѣтъ и семнадцати лѣтъ; ну вы спокойно можете подождать пару годковъ. А войны такой молодецъ какъ ты не можетъ бояться.

— Да, это хорошо, началъ Франсоа съ большей увѣренностью, если только Лизета согласится, а господинъ баронъ—тутъ лицо его снова озабочилось—захочетъ переговорить съ моимъ старикомъ.

— Будь покоенъ, отвѣтилъ господинъ Эпиналь;— я тотчасъ пойду къ нему, если ты этого хочешь.

Онъ соскочилъ со своего импровизированнаго мѣста, съ перилъ мостика.

— А ты? спросилъ онъ замѣтивъ улыбку смущенія на добродушномъ лицѣ крестьянина.—А, вотъ что! продолжалъ онъ, слѣдя по направлению глазъ Франсоа и замѣтивъ на порогѣ хижинѣ красивую фигуру Лизеты.—Твоя милая ждетъ тебя и ты сейчасъ же можешьъ уладить все съ нею. А пока я пойду къ старику. Прощай!

Сказавъ это онъ направился по дорогѣ къ мельницѣ; на углу онъ еще разъ обернулся.—Поклонись отъ меня Лизетѣ, закричалъ онъ дружески и улыбаясь продолжалъ путь, замѣти, что Франсоа, перепрыгнувъ заборъ, раздѣлявшій его отъ возлюбленной, разговаривалъ сильно жестикулируя съ красивою свѣженкою дѣвушкою, одѣтою по эльзасски, въ короткую юбочку и чулки со стрѣлками.

Оставимъ влюбленныхъ и послѣдуемъ за барономъ на широкую площадку передъ мельницею, где стариkъ Лефевръ, ругая и проклиная нѣкоторыхъ рабочихъ, нагружавшихъ муку для толстаго крестьянина, понуждалъ ихъ къ работе.

— Добрый вечеръ, хозяинъ, сказалъ баронъ подходя къ нему и протягивая руку; какъ здоровье?

— Покорный слуга, милостивый господинъ, отвѣтилъ мельникъ, почтительно кланяясь.—Благодарю за освѣдомленіе. Что привело господина барона такъ поздно?

— Я хотѣлъ попрощаться со старымъ Лефевромъ передъ отѣздомъ въ Парижъ, отвѣтилъ баронъ.

— Въ Парижъ? воскликнулъ стариkъ. И такъ мнѣ можно вѣстъ поздравить?

— Да хозяинъ, я поступаю въ армію! Но мнѣ бы не хотѣлось уѣзжать одному; есть у васъ свободное для меня времячко?

— Конечно да, засмѣялся Лефевръ. У васъ на меня виды какъ на стараго гусара!

Почти что такъ, замѣтилъ баронъ садясь на широкую скамью подъ душистой сиренѣю, посрединѣ двора; стариkъ стоялъ передъ нимъ въ ожиданіи.

— Послушайте, хозяинъ, началъ г. Эпиналь послѣ непродолжительного молчанія, не отпустите ли вы Франсоа со мною въ Парижъ?

— Франсоа? спросилъ удивленный стариkъ,—но что вы будете съ нимъ дѣлать, ему только восемнадцать лѣтъ!

— Именно потому я и думаю, что наступило время познакомиться ему со свѣтомъ! отвѣтилъ баронъ, медленно пюхая табакъ изъ золотой табакерки, бывшей въ тѣ времена необходимой принадлежностью каждого знатнаго лица.—Видите ли, продолжалъ онъ, пока вы жили въ Руфахѣ, Франсоа имѣлъ еще кое какихъ знакомыхъ, съ кѣмъ онъ могъ выпить стаканъ вина и выкурить трубку; но здѣсь въ Сульцматѣ, не прогнѣвайтесь хозяинъ, но здѣсь такой свѣжій мальчикъ какъ Франсоа совсѣмъ пропадетъ. Поэтому то я думаю, что самое лучшее отпустить его года на два въ армію; вы сами знаете, вредить ли привычка къ строгой дисциплинѣ и порядку, иначе вы не были бы сами солдатомъ!

Пока г. Эпиналь говорилъ, мельникъ выпустилъ свою трубку изо рта; онъ въ раздумы прислонился къ дереву, но ничего не отвѣтилъ.

— Что вы думаете объ этомъ хозяинѣ? прервалъ баронъ его размышленія.

— Милостивый господинъ, началъ наконецъ Лефевръ и выпилъ погасшую свою трубку,—если бы я зналъ, что большой городъ не испортитъ мнѣ мальчика, еслибы я зналъ, что онъ такимъ же вернется ко мнѣ, тогда, да тогда я бы не имѣлъ ничего противъ этого. Мнѣ до смерти не нравится глупая любовь Франсоа и Лизеты, и я надѣюсь, что вдали онъ забудетъ всю эту исторію; но, милостивый господинъ, если бы онъ испортился въ Парижѣ и сдѣлался негодяемъ, я умеръ бы отъ горя.

При послѣднихъ словахъ слеза покатилась по морщинистой щекѣ старика; онъ вынулъ цветной платокъ и поспѣшно провелъ имъ по лицу.

— Видите-ли, милостивый господинъ, это мое единственное дитя, прибавилъ онъ вздыхая.

— Я понимаю васъ, хозяинъ, отвѣтилъ баронъ послѣ нѣкотораго молчанія, но Франсоа будетъ подъ строгимъ надзоромъ; королевская служба оставляетъ мало времени для баловства и притомъ-же я буду тамъ и буду за нимъ слѣдить!..

— Да, добрый баринъ, если-бы вы это сдѣлали, воскликнулъ Лефевръ, тогда-бы я не такъ сильно беспокоился о мальчикѣ.

— Даю вамъ въ томъ слово! сказалъ г. Эпиналь, вставая; я возвращу его вамъ такимъ-же честнымъ малымъ. Онъ протянулъ мельнику руку.—И такъ рѣшено! Франсоа пойдетъ со мною?

— Рѣшено! сказалъ стариkъ твердо, пожимая протянутую руку.—Дай Богъ, чтобы это принесло ему пользу! прибавилъ онъ, снимая набожно шапку.

II.

Два дня спустя по Лютенвильской улицѣ катился большой дорожный экипажъ господина Эпиналя, на козлахъ которого рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ Франсоа Лефевръ. Предсказаніе владѣльца о томъ, что прощаніе Лизеты съ Франсоа не обойдется безъ слезъ — исполнилось, а красные глаза молодаго крестьянина ясно доказывали, что при этомъ текли не однѣ только женскія слезы; въ деревнѣ разсказывали даже, что Лизета—рѣшительная дѣвушка, равной которой не было въ окрестностяхъ Сульцмата и Руфаха,—должна была въ концѣ утѣшать своего плачущаго возлюбленнаго. Но какъ-бы тамъ ни было, вѣрно одно, что оба разстались, свято обѣщаю сохранять вѣч-

Портретъ. Съ картины Шаплена, грав. Боде.

ную вѣрность, и надежды старика Лефевра на то, что сынъ скоро забудетъ свою красивую прачку, пока были далеки отъ осуществленія.

Въ Парижѣ Франсоа привыкъ скорѣе къ своему подождѣнію гвардейского солдата, чѣмъ ожидалъ этого барона отъ неуклюжаго крестьянскаго юноши. Его стараніе помогло ему превозмочь всѣ трудности, которыя, на первыхъ порахъ, онъ встрѣтилъ на службѣ и въ городской жизни, а красивая фигура молодаго человѣка и известная степень тщеславія сдѣлали изъ него вскорѣ образцового солдата, дѣлавшаго честь ротѣ барона Эпиналя. Въ это время въ столицѣ началось революціонное движеніе, которое уже давно безпокоило Францію, но впервые обнаружилось ясно, и даже французское войско, — если этимъ именемъ можно назвать наемные отряды швейцарцевъ, — было такъ сильно заражено имъ, что случаи тѣлеснаго наказанія членовъ вооруженной силы, замѣщанныхъ въ революціонныхъ проискахъ, были нерѣдки. Франсоа былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не поддавался новымъ воззрѣніямъ, проникавшимъ въ общественную жизнь; благодаря своимъ убѣжденіямъ и военной способности, онъ черезъ три года послѣ поступленія въ солдаты былъ произведенъ въ капрала.

Весною 1776 года капитанъ Эпиналь получилъ извѣстіе о смерти своего отца, почему долженъ былъ поѣхать на нѣсколько недѣль къ себѣ въ имѣніе, а такъ какъ онъ зналъ, что Франсоа жаждетъ побывать дома, то онъ предложилъ выхлопатить ему отпускъ и взять его съ собой въ Сульцматъ. Кто знаетъ какъ въ то время было трудно получать письма простымъ смертнымъ, тотъ найдетъ совершенно естественнымъ, что Франсоа получалъ очень рѣдко извѣстія отъ своей возлюбленной, а бойкая Лизета и не подозревала какъ опѣ выглядѣлъ въ капральскомъ мундирѣ. Франсоа былъ нескончанно счастливъ и большую часть ночи наканунѣ отѣзда провелъ въ расчесываніи своей военной косы, составлявшей величайшую гордость тогдашнихъ солдатъ, и въ пригонкѣ своего мундира.

Еще никогда добряку Франсоа дни и ночи не казались такъ длинны, какъ во время путешествія изъ Парижа въ Эльзасъ; и когда, наконецъ, онъ снова увидѣлъ старыи башни Руфаха и лѣсъ, который своей молодой зеленью закрывалъ лежащій за нимъ Сульцматъ, онъ не могъ воздержаться, чтобы на радостяхъ не закричать „ура“.

— Ей, Франсоа, что съ тобою? окликнулъ его капитанъ, выслушивая съ любопытствомъ изъ экипажа.

Капралъ въ смущеніи повернулся на свое въ высокомъ сидѣніи въ сторону капитана.

— Это отъ радости, сказалъ онъ сконфуженно, — увидя Руфахъ я не могъ воздержаться.

— О, да, конечно, радость велика возвращаться на родину, замѣтилъ дружески господинъ Эпиналь, — а какіе глаза сдѣлаетъ красива Лизета! Везешь ли ты что нибудь въ подарокъ своей возлюбленной?

Франсоа самодовольно кивнулъ головою.

— Ну, а я готовъ побиться обѣзакладъ, продолжалъ капитанъ таинственно, что то, что я везу для Лизеты, понравится ей больше!

Капралъ слушалъ съ любопытствомъ.

— Нѣть, нѣть, ты не узнаешьъ, что это! засмѣялся баронъ. — Поѣзжай черезъ городъ, приказалъ онъ кучеру, который собирался остановиться въ гостиницѣ, въ Руфахѣ, поѣзжай, нужно же доставить Франсоа въ Сульцматъ!

Съ этими словами онъ откинулся на спинку кареты, и пока они приѣхали къ рогаткѣ, капралъ имѣлъ довольно времени ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что капитанъ везетъ изъ Парижа для его Лизеты.

Возвращеніе Франсоа Лефевра стройнымъ гвардейскимъ капраломъ возбудило въ Сульцматѣ общее вниманіе и молодой человѣкъ сдѣлался героемъ дня. Старый мельникъ не мало гордился своимъ сыномъ и не говорилъ о немъ иначе какъ о *Франсоа, капралѣ гардіи въ Парижѣ*. Конечно, его радость при свиданіи была немногого омрачена, такъ какъ Франсоа не преминулъ упомянуть, что онъ уже видѣлся съ Лизетой и напечь ее еще красивѣе, чѣмъ три года назадъ. Старикъ при этомъ всталъ въ беспокойствѣ и закурилъ новую трубку; онъ-бы охотно напомнилъ сыну, что его мнѣніе на счетъ Лизеты вовсе не измѣнилось (такъ какъ она была также бѣдна, какъ и прежде), но онъ не хотѣлъ портить ему первого вечера. Съ этихъ поръ Франсоа ежедневно по нѣсколько разъ бывалъ въ маленькому домику, а старый мельникъ смотрѣлъ на это съ затаенной злобой; обоядный страхъ удерживалъ ихъ отъ объясненій. Только барону капралъ объяснилъ, что онъ любить Лизету и женится на ней, какъ-бы отецъ ни бранилъ его за это. На это г. Эпиналь только улыбнулся и обѣщалъ при случаѣ замолвить словечко старику. Это онъ и сдѣлалъ; въ одинъ изъ вечеровъ онъ пришелъ къ старику и долго, долго разговаривалъ съ нимъ. Франсоа, помогавшій разбирать ячмень, видѣлъ это издалека. Спустя нѣсколько дней, Лизета рассказывала ему, что патеръ призвалъ ее къ себѣ и спросилъ, не можетъ-ли она отказаться отъ капрала, такъ какъ отецъ никогда не позволить ему жениться на ней.

— Ужъ я ему наговорила, прибавила смѣялая дѣвушка, — и сказала ему, чтобы онъ спроилъ тебѣ, можешь-ли ты меня бро-

сить. Преосвященный очень смѣялся, похлопалъ меня по плечу и отпустилъ.

Франсоа обнялъ свою энергическую возлюбленную и сердечно поцѣловалъ ее за это.

Уже около трехъ недѣль капралъ находился въ своей родной деревнѣ и срокъ отпуска его близился къ концу. Въ одинъ изъ вечеровъ, старый мельникъ позвалъ его въ горницу. Смеркалось и ласточки, которая каждое лѣто вили гнѣзда подъ деревянной крышей, пріотились уже на ночь, радостно щебеча возлѣ своихъ малютокъ. Старики Лефевръ сидѣлъ у открытаго окна въ креслѣ, а напротивъ него въ другой нишѣ помѣщался г. Эпиналь. Франсоа привѣтствовалъ барона по военному и ждалъ пока съ нимъ заговорять.

— Какъ я слышу, Франсоа, началъ старики, ты хочешь остаться на военной службѣ, и хотя я желалъ бы для тебя болѣе мирнаго занятія, но не хочу вліять на твоё решеніе о твоей будущности, это не было бы хорошо. Милостивый господинъ сказали мнѣ, что ты сдѣлаешь себѣ карьеру солдатомъ, и вѣроятно дослужишь фельдфебеля, ну, а подобного почетнаго положенія ты никогда не достигнешь въ Сульцматѣ и Руфахѣ. И такъ оставайся въ Парижѣ Франсоа, но будь всегда храбрымъ, честнымъ солдатомъ, какъ подобаетъ сыну солдата. Я все надѣялся, что занявшиись военнымъ дѣломъ, ты забудешь свою любовь къ Лизетѣ, однако это не исполнилось, ты еще крѣпче прежняго сидишь въ сѣтяхъ дѣвчонки. Еслибы ты остался мельникомъ, то скажу тебѣ, я бы никогда не потерпѣлъ, чтобы ты ввелъ ко мнѣ въ домъ такую, которая, какъ Лизета, ничего не имѣеть, потому что мельнику нужны деньги, которыхъ не замѣнить никакая любовь; это ты замѣтишь себѣ, а когда ты доживешь до моихъ лѣтъ, то узнаешь это по опыту. Но такъ какъ ты сдѣлался солдатомъ, то дѣло измѣнилось, а господинъ патеръ такъ хорошо отзыается о дѣвчонкѣ, что пусть будетъ по твоему, женись на ней.

При послѣднихъ словахъ старики, капралъ оставилъ свое военное прямое положеніе, онъ бросился къ отцу, началъ его обнимать и целовать и чуть не сбросилъ со стула.

— Никогда я не думалъ, что ты такой добрый, отецъ! повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Съ трудомъ удалось старику успокоить сына — Что же, ты меня считалъ тираномъ, которому мученія доставляютъ удовольствіе? замѣтилъ онъ.

— Но мы еще не кончили, Франсоа, имѣешь ли ты право жениться?

Честный капралъ почувствовалъ себя такъ, точно его окали холдной водою.

— Да, да! сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, ни одинъ солдатъ не можетъ жениться безъ дозволенія Его Величества, а его то, — да, его я не имѣю.

— Ну тогда вѣроятно ничего не будетъ съ женитьбы, замѣялся старики. — А я думалъ, что сегодня вы обручитесь, а черезъ двѣ недѣли можетъ быть и свадьба! Я даже позвалъ для этого Лизету! Лизета, закричалъ онъ, пріѣди къ своему жениху!

Франсоа былъ не мало изумленъ, увидѣвъ Лизету въ праздничномъ платьѣ, которая смѣялась подбѣжалъ и обняла его.

— Но жениться онъ не можетъ, Лизета! продолжалъ старый Лефевръ, — пока этого не разрѣшилъ король.

— Какое королю до того дѣло, если двое любятъ другъ друга и хотятъ повѣнчаться? спросила наивная дѣвушка, гордо откидывая назадъ свои длинныя косы, — никакого, думаю я; можетъ ли третій вмѣшиваться тамъ, где ему нечего дѣлать.

— Однако Лизеточка, засмѣялся г. Эпиналь, нѣмой свидѣтель происходившей сцены, ты выходишь за мужъ не только за Франсоа, но также за королевскаго капрала!

— Да, Франсоа, обѣ этомъ нужно было тебѣ позаботиться! и веселая дѣвушка надула губки.

Капралъ повѣсили голову.

— Ну обручите же ихъ, сказалъ наконецъ баронъ, вдоволь насладившись замѣшательствомъ молодыхъ людей, — хотя у меня нѣть разрѣшенія для капрала Франсоа Лефевра, но за то есть для сержанта Франсоа Лефевра; вотъ оно Франсоа! Оставайся честнымъ иѣрѣмъ королю, это будетъ для него лучшей благодарностью. — Ура! папа Лефевръ, многая лѣта жениху и невѣстѣ! — Не правда-ли, Франсоа, замѣтилъ онъ потомъ, что мой подарокъ изъ Парижа лучше понравился твоей Лизетѣ.

III.

Когда г. Эпиналь и молодые новобрачные пріѣхали въ Парижъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль отсутствія, политическая дѣла столицы существенно перемѣнились; революціонная партія значительно усилилась, хотя, повидимому, все еще держалась въ границахъ закона. Первые двѣнадцать лѣтъ супружеской жизни Лефевръ прошли довольно спокойно, пока наступившія въ 1789 году волненія во Франціи не дали другаго направленія его жизни. При штурмѣ Тюльери, Франсоа въ чинѣ фельдфебеля стоялъ съ войскомъ, которое защищало дворецъ отъ разъяренной черни; въ общей свалкѣ онъ былъ тяжело раненъ и соченъ мертвымъ. Когда онъ выздоровѣлъ, благодаря только неутомимымъ попеченіямъ своей жены Лизеты, онъ нашелъ все основанія измѣненнымъ; гвардія, въ которой онъ прослу-

жиль почти двадцать лѣтъ, была распущена, знатные офицеры, а въ числѣ ихъ и баронъ Эпиналь, уѣхали изъ Франціи, къ которой со всѣхъ сторонъ надвигались непріятельскія толпы. Такъ какъ для Лефевра положеніе столицы съ каждымъ днемъ становилось невыносимѣе, онъ опять пожелалъ вступить въ армію и былъ опредѣленъ подпоручикомъ въ тринадцатый полкъ легкой инfanterii, стоявшій въ то время на позиціяхъ. Съ этихъ поръ начинается извѣстная въ исторіи жизнь Лефевра. За храбрость и выдающійся военный талантъ онъ былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ, въ слѣдующемъ году въ качествѣ дивизіоннаго генерала рѣшилъ побѣду подъ Флерюсомъ, а въ 1796 году уже командовалъ самостоятельнымъ корпусомъ. Противникъ республики, онъ примкнулъ къ Наполеону и былъ его самымъ ревностнымъ союзникомъ во время государственного переворота 19-го брюмера; проникнувъ со своими grenadѣрами въ залу засѣданія пятисотъ, онъ этимъ спасъ Наполеона. Съ этихъ поръ жизнь Лефевра тѣсно связана съ дѣяніями Наполеона. И когда въ 1804 году великий предводитель возложилъ на себя императорскую корону, бывшій мельникъ и капралъ принадлежалъ къ числу первыхъ генераловъ, которыхъ новый властелинъ Франціи пожаловалъ маршальскимъ жезломъ. Лефевръ храбро сражался при Іенѣ, Эйлау и Фридландѣ и наконецъ, послѣ завоеванія Данцига, получилъ титулъ герцога Данцигскаго.

Какъ ни мало заботился Лефевръ обѣ измѣненіи своихъ крестьянскихъ нравовъ, но герцогиня, которая хотя и ходила въ шелкахъ, бархатѣ и драгоценностихъ, какъ подобало ея высокому сану, и хотя ей прислуживало множество ливрейныхъ лакеевъ, измѣнилась еще менѣе своего мужа. Но они оба сохранили честное сердце и здравый разсудокъ, что такъ часто теряютъ тѣ, кто неожиданно возвышается; при дворѣ они не научились ни лицемѣрить, ни льстить, и это чрезвычайно цѣнила и любила благородная императрица Жозефина. Забавная манера, съ какою герцогиня играла роль знатной дамы, и ея постоянныя нарушенія церемоніального этикета, приводившія въ ужасъ лицъ, для которыхъ соблюденіе его составляло задачу жизни, а также ея рѣшительность и откровенность, которыми она обладала еще дѣвушкой, въ соединеніи съ извѣстной долей природнаго остроумія, сдѣлали мадамъ Лефевръ при дворѣ Жозефины важной личностью, отсутствие которой было очень замѣтно въ тѣ дни, когда она не бывала. Императрица любила играть въ карты и за столомъ ея постоянно играли обѣ герцогини Ней и Лефевръ и иногда еще одна изъ придворныхъ дамъ. Въ эти вечера госпожа Лефевръ была центромъ удовольствія.

О баронѣ Эпиналь, который никогда не заступался за Лефевра передъ его строгимъ отцомъ, не дожившимъ до міровой извѣстности сына, ничего не было слышно со времени революціи, изгнавшей его изъ Франціи и толкнувшей въ непріятельскіе ряды. Вмѣстѣ со многими другими онъ былъ объявленъ республикой врагомъ отечества, изгнанъ и имѣнія его были конфискованы. Наконецъ послѣ долгаго отсутствія, сѣдой и старый капитанъ, боровшійся со страшной нуждою, появился во дворцѣ герцога, желая съ нимъ видѣться. Привратникъ, сбоя познакомца въ истертомъ платьѣ за одного изъ многихъ нищихъ, пользовавшихся всѣмъ извѣстной добротой его господъ, обошелся съ нимъ очень грубо и не удостоилъ даже встать, принимая его карточку для передачи герцогу. Печально поплелся старина оттуда, вздыхая надъ черной неблагодарностью тѣхъ, которые были послѣдней его надеждой.

Въ этотъ день послѣ обѣда, когда герцогиня, мужъ которой былъ въ то время на войнѣ въ Испаніи, пашла карточку своего старого друга, она была вѣнѣ себѣ отъ радости; она тотчасъ вѣѣла позвать привратника, и когда тотъ сказалъ ей, что онъ отказался впустить капитана, знатная дама до того разсердилась, что не сочла унизительнымъ для своего достоинства собственоручно наградить пощечинами своего грубаго Цербера.

— Какъ? вскричала она въ сердцахъ, ты осмѣлился отказать нашему старому капитану. Если ты мнѣ не разыщешь его, то я тотчасъ прогоню тебя съ мѣста. Знаешь ли ты, дуралей, чтобы изъ насъ было безъ капитана?

Съ этими словами она толкнула къ двери ошеломленного привратника, который тотчасъ пустился обѣгать улицы Парижа, заходить во всѣ отдаленные и бѣдныя гостинницы и всюду разузнавать о капитанѣ, пока, наконецъ, послѣ нѣсколькодневной бѣготни, ему дѣйствительно не удалось найти его въ одной изъ гостинницъ предмѣстья.

Свиданіе старыхъ знакомыхъ было невыразимо радостное! Чего только не произошло послѣ того весеннаго вечера, когда

капитанъ разыгрывалъ роль свата передъ старымъ Лефевромъ и сколько они имѣли разсказать себѣ? Когда наступило небольшое молчаніе, тогда только герцогиня внимательнѣе осмотрѣла своего друга.

— Не очень-ли вамъ плохо живется? спросила она наивно.

— Очень плохо, сударыня, отвѣтилъ г. Эпиналь, даже совсѣмъ плохо.

— Ну, господинъ баронъ, что могу я для васъ сдѣлать? Все, что мы имѣемъ—къ услугамъ вашимъ, увѣряла герцогиня.

— Сердечно благодарю васъ, сударыня, отвѣтилъ съ чувствомъ баронъ, но мнѣ нужно только одно, ваше милостивое заступничество, которое быть можетъ возвратить мнѣ неправильно отобранныю у меня собственность. Во время революціи, республика конфисковала мои имѣнія въ Руфахѣ и Сульцматѣ; съ тѣхъ поръ я напрасно хлопочу о сложеніи секвестра, я ходилъ отъ одного министра къ другому, но мнѣ всюду отказывали и никто не хотѣлъ помочь бѣдному эмигранту. Видя всюду неуспѣхъ, я подумалъ о герцогѣ—вашемъ супругѣ, и поспѣшилъ сюда просить его употребить свое влияніе. Но теперь мнѣ приходится подождать возвращенія маршала.

— Нѣтъ этого не должно быть! воскликнула герцогиня, протягивая руку своему старому заступнику.

— Уже и то худо, что вы такъ мало довѣряли намъ и не обратились къ намъ раньше. А теперь позвольте мнѣ похлопать за васъ.

Капитанъ хотѣлъ откланяться, но герцогиня не хотѣла допустить его вѣрнуться домой пѣшкомъ; она позвонила и вѣѣла подать экипажъ.

— Я завезу васъ домой, а потомъ поѣду къ Ея Величеству Императрицѣ поговорить о васъ.

Когда хозяинъ отдаленной гостиницы увидѣлъ своего бѣднаго гостя, занимавшаго самую худшую комнату и только изрѣдка обѣдавшаго, выходящимъ изъ герцогской кареты и увидѣлъ богатую герцогиню Данцигскую, которая прощалась съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ, удивленіе его было безгранично. Съ комическимъ волненіемъ онъ накинулся на Жана, исполнявшаго въ домѣ должность оберкельнера, завѣѣзывающаго погребомъ и половаго и, который при видѣ герцогскаго экипажа остановился въ изумленіи, судорожно сжимая въ руки свой синій передникъ.

— Жанъ, бездѣльникъ! кричала хозяинъ—плачевной гостиницы въ смѣшномъ раздраженіи,—пропади ты со своей неловкостью! Какъ могъ ты предложить худую комнату знатному господину? Переведи тотчасъ господина капитана въ залу!

Капитанъ, получившій еще утромъ счетъ съ примѣчаніемъ, что плата за помѣщеніе должна быть внесена ежедневно, хотѣлъ воспротивиться этому, но хозяинъ не далъ ему выговорить и слова, и стоялъ передъ дверью залы съ изъявленіемъ глубочайшей покорности, пока г. Эпиналь не скрылся за нею.

Императрица Жозефина приняла герцогиню дружески и ласково, какъ обыкновенно, и обѣщала выхлопотать у ministra Fuisse отдачу г. Эпиналь родовыхъ его имѣній, но потомъ заѣла обѣ этомъ дѣлѣ. Но мадамъ Лефевръ не была робка, спустя нѣсколько дней она напомнила Ея Величеству о данномъ ею обѣщаніи. Но когда государыня позабыла вторично, то герцогиня такъ разсердилась, что въ раздраженіи громко и свято поклялась не ступить больше ногою въ Тюльери. И госпожа Лефевръ сдержала свое слово; наступилъ игорный вечеръ, но герцогиня не явилась къ столу Жозефины. Императрица не охотно отказывалась отъ общества старой подруги, она послала къ ней герцогиню Ней справиться о здоровье и пригласить ее на слѣдующій вечеръ поиграть съ нею. Этого только и было нужно рѣшительной женщинѣ.

— Шуть она убирается къ черту со своей игрою, отвѣтила она сердито своей подругѣ,—зачѣмъ она не отдала старому капитану моего мужа его имѣній?

Герцогиня Ней съ точностью передала слышанное Императрицѣ, которая до слезъ смѣялась надъ этимъ вѣжливымъ отвѣтомъ, и тотчасъ принялась за исполненіе своего обѣщанія и поручила Fuisse удовлетворить господина Эпиналь. Только тогда честная женщина появилась снова въ Тюльери, и Жозефина не успокоилась до тѣхъ поръ, пока госпожа Лефевръ не рассказала ей подробнѣ свою и капитана исторію. Но государыня сообщила своему супругу о своемъ приключеніи съ герцогиней и серьезный императоръ никогда не смѣялся такъ искренно, какъ слушая разсказъ о герцогинѣ Данцигской и ея любимцѣ.

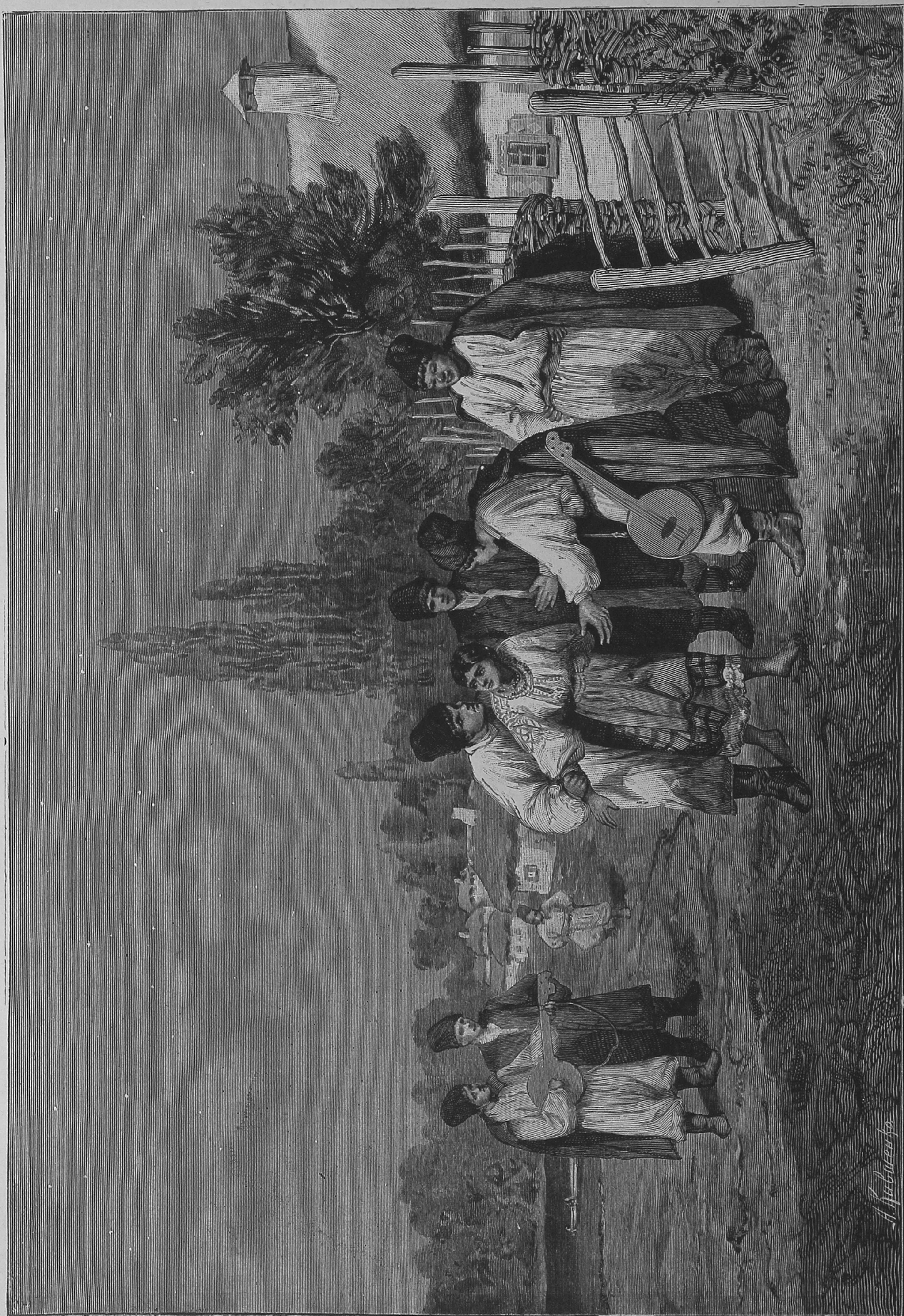
Излишества питанія.

Очеркъ Д.

Человѣческій аппетитъ, вкусъ и теоріи питанія являются собою такое поразительное разнообразіе и крайности, что вполнѣ справедливымъ оказывается замѣчаніе Жан-Жака-Руссо о природѣ и привычкѣ, какъ обѣ измѣняющихся, не всегда однозначущихъ выраженіяхъ. Правда, питаніе и не должно быть одинаково, въ качественномъ и количественномъ отношеніи, для всѣхъ людей и при всѣхъ климатическихъ условіяхъ. Но дѣло въ томъ, что различіе это заходитъ часто далеко за предѣ-

лы естественныхъ причинъ, превращаясь въ курьезную крайность.

Извѣстъ самого Іеговы услыхалъ Моисей запрещеніе евреямъ употреблять въ пищу свинину и мясо кроликовъ; между тѣмъ древніе германцы вѣрили, что будутъ получать въ Валгалла окорока, въ видѣ награды за героическая добродѣтели, и умирая мечтали о нихъ. Двѣсти миллионовъ индусовъ воздерживаются отъ употребленія животной пищи—по повелѣнію Виш-

Литературный альбомъ „Майская Ночь“ , Н. В. Гоголя. Ориг. рис. А. Грибченко, грав. П. Дзедицъ.

Любопытные лесные опыатели. Ориг. рис. Крёнера, грав. Гейерт.

ну, какъ говорятъ они; по условіямъ климата, объясняемъ мы. Въ тоже время жители Южной Африки ёдятъ столько мяса, сколько имѣется его у нихъ въ данную минуту, нежелая знать ни Вишну, ни климатическихъ условій, и повидимому совершенно безнаказанно.

„Мясо—говоритъ профессоръ Либихъ—есть пища, идущая преимущественно на образованіе мускуловъ; отсюда—различие между сильнымъ британцемъ и худощавымъ испанцемъ, слабымъ индусомъ и дюжимъ европейцемъ.“ Но константинопольскіе носильщики, не будучи вегетаріанцами въ принципѣ, фактически, вслѣдствіе своей бѣдности, пытаются исключительно плодами и мучными продуктами и—носятъ однако на своихъ плечахъ такія тяжести, которыя показались бы слишкомъ обременительными и соединеннымъ усиливъ „сильного британца“ и „дюжаго европейца.“ Мускулисты руки и мужественный видъ турокъ, случайно попадающихъ на рынкахъ Вѣны и Буда-Пешта—служатъ очевиднымъ доказательствомъ въ пользу умѣренныхъ привычекъ; въ тоже время ихъ соперники по физической силѣ, крестьяне Верхней Австріи и баварскіе горцы, обладающіе желѣзными кулаками, знамениты своимъ крайнимъ пристрастіемъ къ пиву. Сюда-же можно отнести непрекращающуюся споръ между вегетаріанцами, придерживающимися растительной пищи, и сторонниками мясного питанія, съ взаимно противорѣчащими доказательствами, приводимыми той и другой стороной въ пользу своихъ теорій...

Область человѣческаго аппетита обнаруживаетъ крайности еще болѣе поразительныя и интересныя.

Веномъ, защитникъ Франціи, и еуступавшій лорду Марльборо по своимъ военнымъ способностямъ, былъ такъ же грозенъ за обѣденнымъ столомъ, какъ и на полѣ битвы. Онъ готовъ былъ всегда ёсть сколько угодно, съ чѣствомъ, толкомъ, съ разстановкой... И горе слугѣ, обезпокоившему его словомъ или оказавшему ему недостаточно вниманія въ такие моменты! Сильнѣйшая оплеуха служила тогда по меньшей мѣрѣ выраженіемъ его неудовольствія... Потерпѣвъ пораженіе при Іденарде, онъ спась французскую армию путемъ искуснаго отступленія и, послѣ двухъ-сугодняго пребыванія въ сѣдлѣ, возстановилъ свои силы не сномъ, но просидѣвъ за обѣдомъ шестнадцать часовъ и уничтоживъ за это время огромное количество разныхъ питательныхъ блюдъ.—Путешественникъ Вамбери упоминаетъ объ одномъ татаринѣ, хваставшемся, что онъ въ состояніи сѣѣть „безъ всякой посторонней помощи и безъ вмѣшательства волшебства“ свинью средней величины и большое количество винограда; и дѣйствительно, однажды впродолженіи пятидесяти часовъ, онъ уничтожилъ даже больше этого—козу съ двумя козлятами, мѣшокъ сухихъ винныхъ ягодъ и значительное количество кумыса. Но такие татары не составляютъ исключительного продукта центральной Азіи. Джэмсъ Гампинъ, уроженецъ Йоркскаго графства, показывавшій себя въ Манчестэрѣ и другихъ англійскихъ городахъ вначалѣ нынѣшняго столѣтія, считалъ ни за что сѣѣть дюжину голубей цѣликомъ, и съ костями и съ перьями; такъ точно онъ ёлъ большихъ живыхъ рыбъ и выигралъ пари, опустошивъ впродолженіи двухъ часовъ столъ, накрытый на восемь человѣкъ!

И много примѣровъ чудовищнаго аппетита можно было бы еще привести изъ временъ ближайшихъ къ намъ. Но классическій мѣрѣ даетъ немало образцовъ еще въ большей мѣрѣ поразительныхъ. Клавдій, Калигула, Домиціанъ и Геліогабаль въ пирахъ уничтожали доходъ отъ города Рима. Цицеронъ сравниваетъ сцену послѣ римскаго пира съ полемъ сраженія. И многие богатѣйшия патриции окончательно разорялись послѣ двухъ-трехъ подобныхъ угощеній, на которыхъ имѣли дурное обыкновеніе приглашать самихъ себя вышеупомянутые владыки. Пиры Апиція длились по двадцати и тридцати часовъ, а его полугодовые государственные обѣды даже по два дня, причемъ гостямъ, равно какъ и хозяину, воспрещалась десятиминутная передышка, а этикетъ требовалъ отвѣдыванія каждого изъ многочисленнѣйшихъ блюдъ и винъ по порядочнной кружкѣ. Обжорство-же императора Вителлія превосходило даже и эти предѣлы...

Но на ряду съ подобными примѣрами, какъ древній, такъ и познѣйший мѣрѣ одинаково богаты противоположными примѣрами,—примѣрами крайней умѣренности и воздержанія.

Тѣже римскіе императоры, удивляющіе насъ своими пирами, происходили отъ длиннаго ряда воздержныхъ предковъ. Дѣйствительно, Италія—страна контрастовъ, крайнихъ проявленій порока, равно какъ и добродѣтели. Расходы, въ одинъ день истреблявшіеся на описанныхъ пиршествахъ, были бы достаточны для пропитанія впродолженіи столѣтія цѣлой деревни тогда и впродолженіи двадцати лѣтъ въ наше время выродившейся умѣренности. Въ первоначальномъ своемъ смыслѣ умѣренность означала собою употребленіе исключительно растительной пищи, въ отличіе отъ мясоѣденія. Киръ, царь персидскій, если вѣрить Ксенофонту, былъ воспитанъ на водѣ, хлѣбѣ и крессѣ, съ добавленіемъ къ этому меда и винограда на пятнадцатомъ году жизни. Яйца и яблоки съ небольшимъ количествомъ хлѣба—вотъ все, что впродолженіи цѣлыхъ столѣтій составляло римскій обѣдь; такъ точно патріотъ Цинциннатъ считалъ совершенно достаточнымъ для себя хлѣбъ и рѣшу, или еще даже одну рѣпу. Далѣе, Лиги-де-Корнаро, венецианскій

дворянинъ пятнадцатаго столѣтія, ежедневную пищу котораго составляли десять унцій твердыхъ веществъ и шесть унцій вина, прожилъ на подобной діэтѣ сто два года. Наконецъ, фунтъ хлѣба съ шестью унціями плохаго сыра и ягоды, попадающіеся на пути, составляютъ дневную порцію турецкаго солдата во время похода, а сторонники Донъ-Карлоса довольствовались еще меньшимъ.

Что человѣкъ не только *можетъ* жить на одномъ хлѣбѣ—это находить себѣ подтвержденіе во множествѣ примѣровъ. Прежде всего служатъ подобными примѣрами мученики прежнихъ временъ и, позднѣе, вообще заключенные въ тюрьмахъ, а также плѣнники нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, подолгу проживавшіе на хлѣбѣ и на водѣ. Федоръ Дарапскій, родившійся въ Карскодѣ близъ Праги въ 1774 году, на двадцать второмъ году былъ представленъ управлению Новгорода въ качествѣ рекрута и взятъ въ армію, а вскорѣ послѣ этого былъ присужденъ къ смертной казніи за участіе въ мятежѣ съ покушеніемъ на убийство. Но императрица Екатерина замѣнила это наказаніе, по представлѣнію губернатора Новгорода, пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ тѣмъ, чтобы въ годовщину преступленія подвергали его сорока ударамъ плети и содержали на половинной порціи слѣдующую недѣлю; цѣлая же тюремная порція состояла изъ двухъ фунтовъ чернаго хлѣба и кружки холодной воды. И при такихъ условіяхъ Дарапскій пробылъ въ Кирилловской крѣости до 1863 года, когда, на девяностомъ году жизни, удостоился помилованія со стороны императора Александра II. Но еще болѣе поразительный примѣръ крайняго воздержанія въ соединеніи съ силой и здоровьемъ представляетъ собою геройскій кавказецъ Шамиль, столько хлопотъ надѣлавшій русскому оружію во время покоренія Кавказа. Впродолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ борьбы, закончившейся взятіемъ его въ плѣнъ, Шамиль пилъ только одну воду и главной пищей служили для него лишь жареные буровые жолуди.

Наконецъ, наше русское крестьянство, равно какъ и вообще бѣдное низшее населеніе всѣхъ европейскихъ государствъ, даютъ обильные примѣры воздержанія, немѣшающаго ему, однако, отличаться и здоровьемъ и физической силой, составляющими предметъ зависти для пресыщающихся богатыхъ собратій.

А американскій докторъ Теннертъ, сорокъ дней пробывшій безъ всякой пищи, и его многочисленные подражатели на родинѣ и на всемъ земномъ шарѣ, изъ которыхъ иные ушли, кажется, еще дальше своего учителя на пути крайняго воздержанія... Трудно было бы перебрать всѣ подобные примѣры.

Философы древности хвалились умѣренностью своихъ привычекъ, какъ приближавшихъ ихъ къ божеству. „Богъ не нуждается ни въ чемъ—говорили они—и тотъ стоитъ вслѣдъ за Нимъ, кто довольствуется немногимъ больше, чѣмъ ничто“—чѣмъ потребности отличаются наименѣшай притязательностью. „Знаешь ли ты—спросилъ Киръ послѣ одного славившаго своею роскошью монарха—о непобѣдимости людей, способныхъ довольствоваться кореньями и жолудями?“

Старая пословица—„о вкусахъ не спорять“—блестяще оправдывается въ поразительномъ разнообразіи и крайностяхъ человѣческаго вкуса. Японія является примѣръ отвращенія къ молоку, составляющему любимую пищу большаго числа людей. Папуасы отличаются сильнымъ пристрастіемъ къ бѣлымъ гусеницамъ. Китайцы съ наслажденіемъ пожираютъ ласточкины гнѣзда. Даже минеральные вещества и сильные минеральные яды находятъ своихъ потребителей. Савойскіе горцы и южные швейцарцы обыкновенно употребляютъ мышьякъ, какъ средство противъ легочныхъ заболеваній. Жители Бразилии и другихъ странъ тропической Америки подмѣшиваютъ къ хлѣбу, для вкуса, одинъ бѣлый минеральный порошокъ. Название *Panama* (Рапамата) происходитъ отъ рапамантѣ (первоначально *pandemonium*, черный хлѣбъ), вещества, которое индійцы Центральной Америки приготовляли изъ мучнистаго порошка сѣрнокислой извести (типса), усыпавшаго почву Сіерры. Гумбольдтъ описываетъ одно индійское племя, жившее въ сѣверной Бразилии, изъ поколѣнія въ поколѣніе употреблявшее въ пищу рапамантѣ и отличавшееся чудовищной выпуклостью и затвердѣніемъ верхней части живота въ своихъ представителяхъ. Когда французы сдѣлались обладателями Санть-Домінго, негры-невольники ихъ обнаружили было точно такую же страсть къ этому веществу и былидержаны отъ его употребленія лишь варварскими наказаніями. Испанцы и ихъ южно-американскіе родственники отличаются большимъ пристрастіемъ къ сильно-дѣйствующимъ пряностямъ. *Chile colorado* или красный перецъ составляетъ еще слабѣйшую принадлежность перуанской кухни. *Jerba blanca*, бѣловато-зеленая трава, входящая у нихъ въ составъ различныхъ рагу, описывается напоминающею *lapis infernalis* (адскій камень, ляпистъ, азотнокислое серебро) по своему дѣйствию на языкъ. Мексиканецъ жуетъ красный перецъ, какъ какойнибудь сладкій сухой плодъ... А лимбургскій сыръ и прочія тонкія блюда, пришедшія въ此刻іе нѣкотораго разложенія, составляющія лакомства для современныхъ европейскихъ гастрономовъ... А устрицы, потребленіе которыхъ этими-же гастрономами приводить въ трепетъ

отвращения простого обыкновенного человека, при одномъ представлении о немъ...

Наконецъ, до сихъ поръ неисчезнувшее еще съ лица земли, но сохранившееся въ некоторыхъ уголкахъ ея, людество служить поразительнымъ проявлениемъ уже не безразличія человѣческаго вкуса, но крайней извращенности, которую онъ можетъ иногда принимать...

Такова картина, которую представляетъ собою человѣческое питаніе. Неправда-ли, оно разительно напоминаетъ моду въ некоторыхъ своихъ отношеніяхъ? Изъ потребности въ одѣждѣ, для защиты отъ холода и прочихъ атмосферическихъ условій, могущихъ оказать вредное влияніе на тѣлесное здоровье, — ро-

дилась масса такихъ приспособленій, которыми не достигалась ни эта первоначальная цѣль, ни цѣль самоукрашенія. Иногда какъ разъ наоборотъ... Такъ точно—видимъ мы—изъ столь-же простой потребности въ пищѣ, для поддержания тѣлесныхъ силъ и здоровья, возникли такія теоріи питанія, къ удовлетворенію ея явились въ человѣчествѣ такіе аппетиты и вкусы, за которыми совершенно исчезаетъ естественное назначеніе питанія... Вообще, вдаваться въ крайности, исходя изъ самыхъ простыхъ побужденій, составляетъ, повидимому, печальный удѣль человѣка.

Когданибудь мы поговоримъ о томъ, каково должно быть естественное питаніе.

Къ рисункамъ.

Башня Севастопольского Адмиралтейства.

(Рис. на стр. 412).

До царствованія Императрицы Екатерины наше Черноморское прибрежье было совершенно открыто со стороны моря и не имѣло постоянного военного флота. Это, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ Великой преобразовательницей и, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, Берсеневъ былъ посланъ осмотрѣть крымскій берегъ. Онъ донесъ императрицѣ, что географическое положеніе берега чрезвычайно благопріятствуетъ основанію здѣсь черноморской флотилии. Съ этой цѣлью Екатерина послала контр-адмирала Микензи, и въ Южной бухтѣ, на Городской сторонѣ, начались работы по устройству адмиралтейства. Постройки сначала ограничились магазиномъ для запасныхъ вещей и судовыхъ материаловъ, шлюпочнымъ сараемъ, мастерской и домомъ для конторы надъ портомъ. Все это было обнесено деревянной рѣшеткой. Въ ограду вдавалась церковь св. Николая, построенная имъ же.

По ходатайству маркиза де-Траверсе въ 1804 г. разрѣшено было поднимать въ севастопольскомъ адмиралтействѣ флагъ. Вскорѣ оно было окончательно отстроено и ограждено каменной стѣною отъ Графской пристани до Южной бухты. Здѣсь была построена чертежная въ два этажа, на аркахъ; адмиралтейскія ворота съ башней и на ней городскими часами. При Лазаревѣ воздвигнута высокая стѣна, отдѣлявшая берегъ Южной бухты отъ адмиралтейства. На восточной сторонѣ этой бухты находились карантинная слободка, доки, арсеналъ, магазины и др. зданія, принадлежащія адмиралтейству. Постройки были сдѣланы изъ мѣстнаго известковаго камня. Впослѣдствіи выстроено новое адмиралтейство, а за первымъ осталось название стараго. Все это, за малымъ исключеніемъ, разрушено и представляетъ теперь груды мусора. Крыша башни, въ настоящее время деревянная, полуразбита; увѣничивалась она высокимъ шпилемъ, съ флагомъ, часы же, во время осады города, были сняты французами и увезены. Башня и укрѣпленія городской стѣны выдержали весь огонь непріятеля въ продолженіи 8 мѣсяцевъ и, поистинѣ, могутъ называться передовыми свидѣтелями всѣхъ тѣхъ страшныхъ взрывовъ, отъ которыхъ стонала земля,—пожаровъ и той безпрѣмѣрной осады и обороны Севастополя,—которая еще такъ живы въ нашей памяти.

Метехская церковь.

(Рис. на стр. 413).

Въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ Тифлиса—Авлабарѣ, почти на отвѣсной скалѣ Метеха, гордо висящейся надъ шумящей внизу и сжатой въ берегахъ своихъ рѣкой Курой,—стоитъ метехская церковь, нѣмая свидѣтельница цѣлаго сонма мрачныхъ бѣдствій, пронесшихся надъ Кавказомъ въ продолженіи XII-ти вѣковъ. Авлабаръ, прежде называвшійся Исани,—одна изъ трехъ частей, на которыхъ былъ раздѣленъ Тифлисъ во время основанія его въ 469 году царемъ Вахтангомъ Гургасланомъ. Вахтангъ, основывая этотъ городъ, построилъ въ Авлабарѣ на скалѣ Метеха церковь, а при ней впослѣдствіи цитадель. Слово *Метеха* по гречески означаетъ подворье, и название это дано потому, что цитадель съ церковью и дворцомъ, построеннымъ въ ней въ VI вѣкѣ царемъ Дага, служила постоянной резиденціей грузинскихъ царей и католиковъ, главъ духовенства, какъ это видно изъ древнихъ грамотъ. О прекрасномъ дворцѣ, построенномъ въ цитадели, упоминаетъ еще армянскій писатель Ухтанесъ, жившій въ VI вѣкѣ, но дворецъ впослѣдствіи былъ разрушенъ, сохранилась же только придворная метехская церковь вмѣстѣ съ стѣнами цитадели.

Поводомъ къ основанію церкви послужило (459 г.) желаніе Вахтанга увѣковѣчить мѣсто мученій Св. Сусанны, высокочтимой грузинами. Сусанна или Шушань, что значитъ по грузински лілія, прозванная такъ за красоту лица, происходила изъ знатнаго рода и была женой патакши (царя) Васхена. Она хорошо знала Св. Писаніе и своею добродѣтелью жизни вскорѣ пріобрѣла любовь народа. Васхенъ, вступая на престолъ, принялъ христіанство, но отлучившись въ Персію, былъ склоненъ тамъ въ язычество. По возвращеніи оттуда онъ,

въ началѣ, скрывалъ отъ Сусанны свой переходъ въ язычество, но потомъ даже началь принуждать и ее перенѣнить вѣру, но Сусанна, будучи истинной христіанкой, не соглашалась. Ни угрозы, ни страшныя истязанія не могли принудить ее къ этому. Часто, въ порывѣ ожесточенія, предавая свою жену-христіанку истязаніямъ, Васхенъ говорилъ: „я убью эту слугу Христову,“ но всѣ усиія его были тщетны. Васхенъ отоспалъ ее въ Мцхетскій Сантаврскій монастырь. Здѣсь, въ это время хранилась глубоко чтимая и до сихъ поръ святыня грузинъ,—крестъ Св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ и обвязанный ея волосами. Сусанѣ, какъ твердой христіанкѣ, передали сохранить этотъ крестъ, такъ какъ маги персидскіе неоднократно старались похитить его. Сусанна бѣжала съ крестомъ изъ Мцхета и хотя на пути встрѣтила маговъ, но крестъ успѣла снести. Она умерла вдали отъ Мцхета, 45 лѣтъ, и моши ея хранятся въ Метехской церкви, память же чтится 28 августа. Крестъ Св. Нины послѣ ея смерти сохранился въ горахъ, въ Ананурѣ, но впослѣдствіи грузинскимъ митрополитомъ былъ подаренъ въ Москву, откуда только послѣ долгихъ, настоятельныхъ просбъ грузинъ, при Александрѣ I былъ торжественно внесенъ въ Тифлисъ. Восторгъ и радость жителей были неописанны и цѣлыхъ трое сутокъ въ городѣ продолжалась пальба изъ пушекъ. Въ настоящее время крестъ Св. Нины находится въ Сіонскомъ соборѣ, въ Тифлисѣ.—Стиль Метехской церкви, какъ и вообще всѣхъ грузинскихъ церквей, византійскій, но только своеобразно измѣнившися подъ вліяніемъ историческихъ событий и природы. Дѣйствительно, взгляните на метехскую церковь: тутъ какъ нельзя болѣе суровая природа Кавказа положила печать свою: гордо и неприступно высится въ простотѣ своей кону-сообразный куполь ея надъ котловиной Тифлиса, какъ будто говоря всѣмъ христіанамъ, живущимъ на обширной ея окрестности: „для всякой души скорбящей и озлобленной я храню въ себѣ драгоценные залоги небеснаго милосердія; тутъ, въ этой смиренной усыпальницѣ Св. мученицы Христа ничто не развлечетъ молящагося: ни блескъ многоцѣнныхъ украшений, ни громкій шорохъ молящихся, ни тревожный стукъ экипажей, проникающій обыкновенно въ городскія церкви. Здѣсь все смиленно, убого и тихо.

Картина Шаплена.

(Рис. на стр. 417).

Говорить „Шапленъ“, какъ говорить „Буше“, „Ватто“; такую извѣстность пріобрѣлъ этотъ художникъ своей изящной школой, служившей наслажденіемъ нашихъ дѣдовъ и ставшей прекраснымъ украшеніемъ картинныхъ галерей. Особенно хороши женскіе портреты Шаплена. Уже много лѣтъ на парижскихъ ежегодныхъ выставкахъ появляется цѣлая серія его *типовъ красоты*, восхищающихъ зрителей. Свѣжесть красокъ, мягкость тканей и свѣта, неподражаемое изящество позы, придаютъ его картинамъ необыкновенную поэтическую прелесть. Помѣщенная нами головка была на послѣдней выставкѣ въ Парижѣ, въ Елисейскихъ поляхъ; она подтверждаетъ все сказанное выше.

Литературный альбомъ. Майская ночь, пов. Гоголя.

(Рис. на стр. 420).

Майскія ночи повсюду прекрасны, даже на нашемъ холодномъ сѣверѣ, но можетъ быть нигдѣ онѣ не бываютъ такъ очаровательны, какъ въ поэтически-хороши, какъ въ благословенной Украинѣ. Вотъ какъ увлекательно описываетъ такую ночь Гоголь: „Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и спокойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленые стѣны садовъ. Дѣственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренікъ, ночной вѣтеръ, подкравшись, мгновенно цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышеть, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь!“ И какъ же такимъ начамъ обойтись

безъ нѣжныхъ паръ, безъ гульни веселыхъ парубковъ и безъ дѣвичихъ хороводовъ. И дѣйствительно молодость любить майскую ночь; долго въ темныхъ улицахъ деревни слышатся звуки бандуры, пощѣлуевъ, тихаго говора.

Содержаніе разсказа Гоголя взято именно изъ этихъ таинственныхъ, глубоко поэтическихъ преданій объ майской ночи. Прелестная Ганна и казакъ Левко любятъ другъ друга; въ одну изъ майскихъ ночей они устраиваютъ нѣжное свиданіе и среди страстныхъ разговоровъ мечтаютъ объ будущемъ семейномъ счасти. Но это счастье пока имъ не доступно. Суровый, строгій отецъ Левко, мѣстный голова, едва ли рѣшился женить своего сына на бѣдной дѣвушкѣ. Левко чувствуетъ это, но не хочетъ разочаровывать свою милую Ганну и нѣжно ласкаетъ ее и тѣшитъ своимъ рассказами. Въ эту же ночь, по ея просьбѣ, онъ разсказываетъ ей преданіе о старомъ, заброшенномъ домѣ, который стоитъ неподалеку отъ хаты Ганны. Здѣсь, какъ разсказываютъ старики, жилъ когда-то вдовецъ-сотникъ съ дочкой. Жили они счастливо и мирно, какъ вдругъ старый сотникъ захотѣлъ жениться на молодой женѣ. Эта жена была красавица и въ тоже время вѣдьма; долго она мучила молодую дѣвушку и наконецъ добилась, что отецъ выгналъ ее изъ дома. Несчастная побѣжала въ отчаяніи на высокій берегъ и оттуда кинулась въ прудъ. Съ этого времени утопленница стала каждую ночь являться въ образѣ русалки; она постоянно ищетъ своей мачихи, чтобы отомстить ей за свои страданія и увлечь за собою въ воду. Окончивъ этотъ разсказъ и понатѣшившись страхомъ довѣрчивой Ганны, Левко простился и пошелъ домой. Но вотъ снова раздались позади красавицы слова: „Прощай Ганна“, сопровождаемыя пощѣлуками.

— Ты вернулся! — сказала она оглянувшись; но увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону.

— Прощай, Ганна! раздалось снова, и снова пощѣловалъ ее кто-то въ щеку.

— Вотъ принесла нелегкая и другаго! проговорила она съ сердцемъ.

— Прощай, милая Ганна!

— Еще и третій!

— Прощай! прощай! прощай Ганна! и пощѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

— Да ихъ тутъ цѣлая ватага! кричала Ганна, вырываясь изъ толпы парубковъ, наперерывъ сшибившихъ обнимать ее. Какъ имъ не надоѣть безпрестанно цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзѧ будетъ показаться на улицѣ!

Вслѣдъ за сими словами дверь захлопнулась и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся засовъ.

Но этимъ маленькимъ происшествіемъ, представленнымъ на нашемъ рисункѣ, не кончились еще всѣ приключения Майской ночи. Въ эту же ночь Левко узнаетъ въ своемъ отцѣ своего

соперника; старый хрычъ еще подумываетъ о молодой жинкѣ и старается уговорить Ганну отдать ему свою руку и, если можно, даже и сердце. Опечаленный этимъ открытыемъ, Левко въ какомъ-то нѣмомъ отчаяніи и забытьѣ бродить по деревнѣ и наконецъ натыкается на старый, забытый всѣми домъ. Здѣсь произошло съ нимъ что-то страшное и таинственное. Онъ встрѣтилъ здѣсь блѣдную красавицу, которая со слезами говорила ему: „Паробокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не цожалѣю для тебя. Я награжу тебя“. Около пруда Левко увидѣлъ хороводъ русалокъ; въ этомъ хороводѣ онъ замѣтилъ одну, у которой тѣло не такъ свѣтилось, какъ у другихъ; внутри ея видѣлось что то черное. „Вѣдьма!“ сказалъ Левко указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому. Дѣвушки съ крикомъ схватили вѣдьму, а блѣдная панночка въ награду дала Левко какую-то бумажку, говоря, что послѣдняя устроить его счастье и помочь ему соединиться съ Ганной. Бумажка эта дѣйствительно устроила все дѣло; да и какъ не устроить, когда она оказалась ни больше, ни меньше, какъ приказомъ самого комиссара-головы, женить сына на Ганнѣ. Приказъ былъ такъ строгъ и краснорѣчивъ, что противиться ему не представлялось ни малѣйшей возможности и старый плутъ долженъ былъ наконецъ согласиться. Такимъ образомъ Ганна стала женой Левко, благодаря таинственнымъ чарамъ обаятельной Майской ночи.

Любопытные лѣсные обыватели.

(Рис. на стр. 421).

Рисунокъ талантливаго художника такъ и переносить въ глушь, въ затишье большаго лѣса. Въ его лощинахъ и затонахъ, въ его непроходимыхъ кущахъ живутъ своею таинственною, молчаливою жизнью разные лѣсные обыватели, начиная и кончая жизнь здѣсь подъ глухими сѣдыми зелеными деревьями.

ревьевъ. Здѣсь переживаютъ они и чудныя, ясныя весны, и глубокіе снѣга зимы и дождливые осенне дни и томленье жаркаго лѣта. И тихо и глухо все зимой — ни звука, ни голоса человѣческаго. Только изрѣдка по дальней лѣсной дорогѣ пропадаетъ, скрипя полозьями, обозъ и слышны крики возчиковъ, и залаетъ вдали собака. И чутко и пугливо вытянувъ шеи, прислушиваются къ этимъ звукамъ дикие лѣсные обыватели, и если молять судьбу о чёмъ, то конечно о томъ, чтобы человѣкъ былъ отъ нихъ подальше и чтобы не огласился, оброни Богъ, ихъ родной лѣсъ звукомъ роговъ, топотомъ коней и лаемъ охотничихъ псовъ и не были бы они, обыватели лѣса, потревожены въ своемъ мирномъ и уединенномъ житьѣ...

Морская царевна.

(Рис. на стр. 424).

Вотъ она, съ этими подернутыми прозрачной влагой моря, глазами, морская красавица, губительница неосторожныхъ морехо-

Морская царевна. Карт. Зиндинга, грав. Кнезингъ.